Эрнст Юнгер

УХОД В ЛЕС

Сборник для духовно-политических партизан

Первое издание: Ernst Jünger, Der Waldgang, Klostermann, Frankfurt a.M. 1951

Предисловие

После конца войны в 1945 году в оккупированной союзниками Германии Юнгеру сначала было запрещено публиковаться. Он отказался заполнить анкету для денацификации, чего требовали союзники, и продемонстрировал, в частности, этим своим отказом свою сдержанность по отношению к подобным методам. Юнгер воспользовался этим периодом, чтобы написать роман «Гелиополис» (1949) и подготовить к печати свои дневники «Излучения» (1949). Таким образом, он после отмены запрета на публикацию смог напомнить о себе общественности

сразу двумя значительными произведениями. После этого Юнгер начал выражать свою позицию по отношению к проблемам современности в политической системе координат послевоенной Германии с помощью нескольких эссе, вызвавших большое внимание читателей. В них он четко высказывался относительно угрожающего нигилизма, относительно потери свободы и относительно конфликта между Западом и Востоком.

Наиболее актуальной до сегодняшнего дня из этих его книг можно назвать «Уход в лес», где рассматривается угроза личной свободе в современную эпоху. В момент выхода книги она должна была сбивать читателей с толку, так как Юнгер интерпретирует 1945 год отнюдь не как поворотный пункт, который, с победой союзников, принес якобы большую свободу. Он, скорее, наблюдает постоянную тенденцию на протяжении всего века к порабощению отдельного человека. К этому добавляется то, что Юнгер не делает различия между Востоком и Западом в вопросе свободы. Парламентская демократия и социалистическая народная демократия – это два лица одной и той же тенденции. Выборы превращаются в плебисциты, так как требование к согласию велико и, таким образом, в согласие может включаться также и выступающее против меньшинство. На примере выборного процесса, который совершается внешне свободно, Юнгер показывает зависимость отдельного человека от ожиданий, которые открыто или косвенно предъявляются к нему. Поэтому цифры результатов выборов, опросов и статистик не имеют значения, они не отражают правду. Отдельный человек должен оправдать себя, выдержать проверку вне этих величин, требует Юнгер, там, где к человеку предъявляются другие требования.

Человек, совершающий уход в лес, «партизан», образ которого Юнгер разрабатывает столь же метафорически, как образ рабочего двадцатью годами раньше, – это тот, кто решился на такой шаг. Он тем самым представляет собой то меньшинство, которое благодаря наследию и таланту выделяется на фоне прочей массы. Контроль требует использования обходных путей, которые ведут в лес и вместе с тем в те области, которые скрыты от невооруженного взгляда извне. Уход в лес – это новая концепция свободы, и она означает сопротивление в особенном смысле. Юнгер употребляет к тому же старый образ корабля, на борту которого мы находимся, так как не можем ускользнуть от нашего временного бытия. Единственным выходом является вечное бытие, уход в лес. Мужество, которое относится к этому пути, встречается редко. Юнгер, тем не менее, уверен, что эти мужественные люди появятся. Не в последнюю очередь потому, что того или другого, кто пока медлит, но кто пригоден к уходу в лес, к такому пути принудят обстоятельства.

Сопротивление партизана абсолютно, он не знает нейтралитета, прощения, заключения в крепость. Он не ожидает, что враг признает его аргументы, не говоря уже о том, чтобы поступать благородно. Он также знает, что в отношении него смертная казнь не отменяется.

Сопротивление, которое имеет в виду Юнгер, абсолютно, и ведет через смерть, сомнения, боль и одиночество. При этом Юнгер больше не мыслит националистически и определенно также не связывает со своим эссе «антивосточные намерения». Какую-то тенденцию в этом отношении можно заметить лишь в замечаниях Юнгера о ценности собственности, которая представляет собой гарант свободы – однако, только тогда, если человек может ее защищать.

Отчетливые экзистенционально-философские созвучия соответствовали мышлению времени и способствовали положительному восприятию эссе. За два года быстро появились последовательно четыре переиздания, книга вызвала многочисленные обсуждения. Ее отповедь коллективизму истолковывалась с многих точек зрения и охватывала широкий диапазон от подчеркивания на партизанском образе действий того, кто рискнет уйти в лес, до упреков автора в снобизме. Книгу критиковал, в частности, Эрнст Никиш, за то, что Юнгер в ней дал только критику, но не предложил политической перспективы. Однако, вероятно, именно на этом и основывается тот успех, который до сегодняшнего дня сохраняется у понятия «уходящего в лес», «партизана», уже независимо от эссе Юнгера: это понятие четко выражает альтернативу, действующую во все времена.

Литература: Эрнст Никиш: «Уход в лес», в Sezession (2008), номер 22: «Эрнст Юнгер».

Эрик Ленерт

Из: Staatspolitisches Handbuch (Справочник государственной политики), том 2, Основные произведения, издательство Edition Antaios, Шнелльрода, 2010 год

1

Уход в лес – за этим заголовком скрывается отнюдь не идиллия. Читателю следует приготовиться скорее к рискованному походу, который поведет его не только по еще непроторенным путям, но и выведет за пределы рассмотрения.

Речь идет об основном вопросе нашего времени, то есть, о вопросе, который в любом случае влечет за собой угрозу. Мы ведь много говорим о вопросах, как делали это уже наши отцы и деды. Но за это время, конечно, значительно изменилось то, что в этом смысле называют вопросом. Достаточно ли мы уже осознаем это?

Еще едва ли успели пройти времена, когда такие вопросы понимались как большие загадки, порой даже, как всемирные загадки, то есть – с оптимизмом, который приписывали их решению. Другие вопросы вообще считались скорее практическими проблемами, как женский вопрос или социальный вопрос. Эти проблемы тоже считали разрешимыми, хотя не столько путем исследований, сколько в ходе развития общества к новым порядкам.

Между тем социальный вопрос на обширных территориях нашей планеты был решен. Бесклассовое общество разработало его настолько, что он стал скорее частью внешней политики. Естественно, это не значит, что вопросы тем самым исчезают вообще, как полагали в первом порыве энтузиазма – скорее, их сменяют другие и еще более жгучие. Мы здесь займемся как раз одним таким вопросом.

2

Читатель по самому себе сознает, что существо вопроса изменилось. Мы живем во времена, в которых к нам беспрерывно подходят задающие вопросы силы. И эти силы наполнены не только идеальной любознательностью. Когда они подходят к нам с их вопросами, они не ожидают от нас, что мы внесем свой вклад в объективную правду, даже не то, что мы поспособствуем решению проблем. Для них важно не наше решение, а наш ответ.

Это важное различие. Оно сближает вопросы с допросами. Можно проследить это по развитию, которое ведет от выборного бюллетеня к анкете. Выборный бюллетень нацелен на установление чистых числовых соотношений и их оцен-

ку. Он должен установить волю избирателя, и выборный процесс направлен на то, чтобы эта воля была выражена по возможности чисто и без чужих влияний. Поэтому выбор сопровождается также чувством безопасности, даже власти, как это отличает свободное проводимое в правовом пространстве волеизъявление.

Современник, которому приходится сдавать анкету, весьма сильно отдален от такой безопасности. Ответы, которые он выдает, влекут за собой тяжелые последствия; часто от них зависит его судьба. Видно, как человек приходит в такое положение, в котором от него требуют создавать документы, которые рассчитаны на его гибель. А гибель сейчас могут предопределить совсем пустяковые вещи.

Становится очевидным, что в этом изменении задавания вопросов намечается совсем другой порядок, чем мы находили его в начале нашего века. Здесь больше нет былой безопасности, и наше мышление должно к этому готовиться. Вопросы подбираются все ближе, все безотлагательнее к нашей жизни, и все более важным становится тот способ, как мы на них отвечаем. При этом нужно иметь в виду, что молчание – это тоже ответ. Нас спросят, почему мы молчали тогда-то и там-то, и за это нам придется расплачиваться. Это тупики времени, которых не избежит никто.

Примечательно, как в таком положении всё становится ответом в этом особенном смысле, и – тем самым – становится материалом для ответственности. Так, вероятно, сегодня люди еще не достаточно отчетливо видят, в какой степени, например, избирательный бюллетень превратился в анкету. Однако человек, которому не посчастливилось жить в заповеднике, в той степени, насколько он действует, это хорошо осознает. Мы же всегда скорее согласовываем с угрозой наши действия, нежели наши теории. Но только с осознанием мы достигнем новой безопасности.

Итак, избиратель, о котором мы думаем, приближается к урне с совсем другими чувствами, чем его отец или дедушка. Он наверняка предпочел бы остаться от нее в стороне, но, все же, именно в этом как раз бы и выразился его недвусмысленный ответ. Но также и участие кажется опасным, там, где приходится учитывать дактилоскопию и хитрые статистические процессы. Почему все же нужно выбирать в таком положении, в котором больше нет выбора?

Ответ состоит в том, что нашему избирателю предоставляется возможность с помощью избирательного бюллетеня принять участие в акте пожертвования одобрения. Не каждый признается достойным этой привилегии – так в списках,

конечно, отсутствуют имена бесчисленных неизвестных, из которых набирают новые армии рабов. Поэтому избиратель обычно знает, что от него ожидается.

В этом отношении вопрос представляется ясным. В той мере, в которой развиваются диктатуры, они заменяют свободные выборы плебисцитом. Однако объем плебисцита превосходит тот сегмент, который до него получали выборы. Выбор скорее становится одной из форм плебисцита.

Плебисцит может носить общественный характер, где руководители или символы государства выставляют себя напоказ.

Вид больших, страстно возбужденных масс – это один из самых важных признаков того, что мы вошли в новый век. В такой области господствует если и не единодушие, то все-таки, определенно единогласие, так как если где-то здесь поднимется вдруг другой, несогласный голос, то тут же образуются вихри, которые уничтожат носителя этого голоса. Поэтому одиночка, который захочет тут обратить на себя внимание таким образом, может сразу решиться на покушение: по конечным последствиям результат для него будет одинаковым.

Но там, где плебисцит маскируется под свободный выбор, там придают значение тайному характеру. Диктатура тем самым стремится привести доказательства того, что она не только опирается на огромное большинство, но что одобрение ее укоренилось в то же время в свободной воле отдельных людей. Искусство руководства состоит не только в умении правильно ставить вопрос, но и в режиссуре, которая является монопольной. Она должна представлять процесс в форме мощного хора, вызывающего ужас и восхищение.

До этого момента проблемы кажутся очевидными, хотя для более старого наблюдателя они новы. Избиратель сталкивается с вопросом, ответить на который по убедительным причинам стоит так, чтобы услужить спрашивающему. Но настоящая трудность состоит в том, что в то же самое время должна сохраняться иллюзия свободы. И вместе с тем вопрос выливается, как и каждый моральный процесс в этих пространствах, в статистику. Ее деталями мы займемся ниже. Они приведут нас к нашей теме.

3

С технической точки зрения, выборы, при которых 100% голосов отдаются тому, кому нужно, едва ли представляют трудность. Эту цифру уже достигали, даже превосходили, так что в определенных районах в результате появлялось больше голосов, чем избирателей. Это указывает на ошибки в режиссуре, которых нельзя требовать от всего населения. Там, где этим вопросом занимаются более тонкие пропагандисты в произведении, результат может быть, например, таким: 100% – это идеальная цифра, которая, как все идеалы, всегда остается недостижимой. Потому можно лишь приблизиться к ней – очень похоже на то, как в спорте приближаются к определенным, также недостижимым рекордам на доли секунд или метров. Насколько велико теперь может быть сближение, это снова определяется множеством переплетенных между собой соображений.

Там, где диктатура уже сильно укреплена, 90% «за» было бы уже слишком мало. Ведь тогда среди каждых десяти человек скрывался бы один тайный противник: такая мысль не должна прийти в голову массам. Зато 2% недействительных и поданных против голосов были бы не только терпимым, но и вполне благоприятным количеством. Мы не хотим здесь рассматривать эти два процента просто в качестве пустого металла или отмахнуться о них. Они достойны более подробного рассмотрения. Сегодня как раз в остатках можно найти самое неожиданное.

Польза от этих обоих голосов для организатора – двойная: во-первых, они дают остальным 98% голосам курс, свидетельствуя, что каждый из избирателей мог проголосовать так, как те 2%. Тем самым его «да» приобретает больше ценности, становясь настоящим и действительным. Для диктатур важно доказательство того, что свобода говорить «нет» у них не вымерла. В этом кроется один из самых больших комплиментов, которые можно делать свободе.

Второе преимущество наших 2% состоит в том, что они поддерживают беспрерывное движение, на которое обязаны ссылаться диктатуры. По этой причине они обычно все еще называют себя «партиями», хотя это бессмысленно. Идеал был бы достигнут при 100%. Это повлекло бы за собой опасности, которые связаны с каждым конечным выполнением. Можно было бы даже почивать на лаврах гражданской войны. При виде каждого большого братания нужно спрашивать себя: где стоит враг? В то же время такие объединения – это одновременно и исключения – исключения третьего и ненавистного, который, тем не менее, необходим.

Пропаганде обязательно требуется ситуация, в которой враг государства, классовый враг, враг народа совершенно наголову разбит и стал уже почти смешным, но все-таки еще не совсем вымер.

Диктатуры не могут жить на основе чистого согласия, если одновременно ненависть и с нею ужас не дают противовесы. Ведь при 100% «хороших» голосов террор стал бы бессмысленным, тогда встречались бы только «правильные», «честные». В этом состоит другое значение 2%. Они подтверждают, что хорошие хоть и представляют собой огромное, подавляющее большинство, но, все же, они не находятся в полной безопасности. Наоборот, нужно предполагать, что ввиду такого убежденного единства только особенно упрямые могут вести себя так, будто они не вместе со всеми. Речь идет о диверсантах, саботажниках с избирательным бюллетенем – и как тогда может не прийти в голову мысль, что они могут также перейти и к другим формам саботажа, если им представится такой случай?

Вот тут и есть та точка, в которой избирательный бюллетень становится анкетой. При этом не нужно принимать индивидуальную ответственность за выданный ответ, все же, можно быть уверенным, что численные соотношения существуют. Можно быть уверенным, что те же 2% по правилам двойного бухгалтерского учета появляются также в других списках, кроме статистики выборов, как например, в поименных списках заключенных тюрем и исправительно-трудовых лагерей или в тех местах, где только Бог считает жертвы.

Это другая функция, с которой это крохотное меньшинство воздействует на огромное большинство – первая состояла, как мы видели, в том, что именно это меньшинство придавало ценность, действительность 98%. Еще более важно, между тем, что никто не хочет быть причисленным к 2%, в которых становится заметным злое табу. Наоборот, каждый изо всех сил постарается действительно показать всем, что он отдал «хороший» голос. И если он принадлежит к тем 2%, то он будет скрывать этот факт даже от своих лучших друзей.

Дальнейшее преимущество этого табу в том, что оно направлено также против класса тех, кто игнорирует выборы. Неучастие относится к позициям, которые беспокоят левиафана, все же, посторонний легко переоценивает их возможность. Она быстро исчезает в случае угрозы.

Тогда можно всегда рассчитывать на почти полное участие в выборах, и ненамного меньше будет и количество голосов, проголосовавших за то, чего хотел от них спрашивающий.

Избирателю будет важно, чтобы его видели в момент голосования. Если он хочет поступать совершенно надежно, то он даже покажет бюллетень нескольким своим знакомым, прежде чем опустит его в урну. Лучше всего действовать взаимно и тогда можно будет засвидетельствовать, что крестик стоял в правильном месте. Здесь тоже есть множество поучительных вариантов, о которых понятия не имеет хороший европеец, если ему не доводилось изучать такие ситуации. Так, к фигурам, которые всегда возвращаются, принадлежит обыватель, опускающий свой листок, например, со словами: «Его вполне можно было бы отдавать и открыто».

На это чиновник из избирательной комиссии отвечает с благосклонной улыбкой в духе Сибиллы: «Да, но так не положено».

Посещение таких мест заостряет взгляд в изучении вопросов власти. Так можно приблизиться к одному из нервных узлов. Однако это завело бы нас слишком далеко, если бы мы занялись подробностями этого учреждения. Нам будет достаточно того, что мы рассмотрим необычную фигуру человека, который вошел на такой избирательный участок с твердым намерением проголосовать против.

4

Намерение нашего человека вовсе не так уж необычно, вероятно; оно может разделяться многими другими, которых, вероятно, значительно больше, чем упомянутые 2% электората. Напротив режиссеры стремятся показать ему, что он очень одинок. И не только это – большинство должно производить на него внушающее впечатление не только численно, но и знаками своего морального превосходства.

Мы можем предполагать, что наш избиратель благодаря своему критическому разуму сопротивлялся длительной однозначной пропаганде, которая искусным способом возрастала до самого дня выборов. Это не было просто; добавьте к этому, что волеизъявление, которого от него требует, маскируется под оболочкой самых достойных постановок вопроса; его просят об участии в выборе свободы или о голосовании за мир. Кто же может не любить мир и свободу? Он должен был бы быть каким-то извергом. Уже одно это придает его ответу «нет» преступный характер. Плохой избиратель равен преступнику, который подкрадывается к месту преступления.

Насколько же, в отличие от него, свежо и уверенно чувствует себя в этот день хороший избиратель. Уже в момент завтрака он получил по радио последний

стимул, последнее указание. Тогда он идет на улицу, на которой господствует праздничное настроение. С каждого дома, из каждого окна свисают знамена. Во дворе избирательного участка его приветствует оркестр, который играет марши. Музыканты одеты в форму, да и на самом избирательном участке хватает людей в форме. При таком воодушевлении от хорошего избирателя не ускользнет, что в кабинке на избирательном участке едва ли можно голосовать против.

Но именно это обстоятельство, которое, прежде всего, привлечет к себе внимание плохого избирателя. Он видит себя со своим карандашом перед избирательной комиссией в униформе, близость которой его смущает. Регистрация происходит на столе, на котором, вероятно, даже есть остатки зеленого занавеса. Подготовка места голосования была, несомненно, продумана точно. Не похоже на то, что место, которое отмечает крестиком избиратель, можно увидеть со стороны. Но исключена ли такая возможность полностью? Вчера еще он слышал, как кто-то шептал, что избирательные бюллетени можно нумеровать при помощи пишущих машинок без красящей ленты. Одновременно он должен удостовериться, не подсматривает ли ему кто-то через плечо. Со стены огромный портрет главы государства в точно такой же униформе с неподвижной улыбкой смотрит вниз на него.

Избирательный бюллетень, к которому он теперь обращается, точно так же излучает внушающую силу. Он результат тщательных соображений. Под словами «Выбор свободы» виден большой круг, на который, кроме того, даже указывает стрелка: «Сюда принадлежит твое «Да»». Рядом с этим почти теряется маленький круг, предназначенный для ответа «Нет».

Наступает великий миг: избиратель ставит свой крестик. Мы в душе хотим оказаться рядом с ним; он действительно проголосовал «нет». Хотя этот акт является точкой пересечения фикций, которые мы еще хотим исследовать: выбор, избиратель, предвыборные плакаты, но они являются ярлыками для совсем других вещей и процессов. Это загадочные картинки. В своем подъеме диктаторы живут большой частью за счет того, что еще нельзя расшифровать их иероглифы. Затем они находят своего Шампольона. Пусть он и не возвращает старую свободу. Но, все же, он учит правильно отвечать.

Создается впечатление, что наш человек вошел в ловушку. Это делает его поведение не менее достойным удивления. Хотя в случае его «нет» речь и не идет об изъявлении за безнадежное дело, тем не менее, оно будет воздействовать дальше. Однако там, где старый мир еще купается в отблесках вечернего солнца, на прекрасных склонах, на островах, одним словом, в более мягком климате, этого не заметят.

Там произведут впечатление 98 других голосов, которые были отданы из 100. И так как давно и все более глупо празднуют культ большинства, 2% просто не заметят. Они, наоборот, сыграют роль, чтобы сделать большинство наглядным и подавляющим, тогда как при 100 из 100 большинство отпало бы.

Итак, в странах, в которых еще знают настоящие выборы, этот успех сначала вызовет удивление, внимание, а также зависть. Если воздействие успеха станет заметно и на международном уровне, эти чувства могут резко смениться ненавистью и презрением. Также и тогда, в отличие от Бога перед Содомом, не обратят внимание на двух праведников. Будет звучать протест, что там, мол, все стали на сторону зла и потому созрели к заслуженной гибели.

5

Теперь мы хотели бы отбросить 98% и обратиться к двум остальным, как к золотым песчинкам, которые мы просеяли. С этой целью мы пройдем сквозь запертую дверь, за которой считают голоса. Мы здесь войдем в одно из табуированных пространств плебисцитной демократии, о котором есть только одно официальное мнение и бесчисленные, пересказываемые шепотом, слухи.

Комиссия, которую мы здесь встречаем, тоже будет в униформе, но, вероятно, фамильярной, наполненной духом комфорта доверия. Она образована из местных представителей господствующей и единственной партии, кроме того, из пропагандистов и полицейских. Настроение подобно настроению владельца фирмы, который считает свою кассу, хотя не без напряжения, так как все присутствующие более или менее отвечают за результат. Оглашаются голоса за и голоса против – одни с благосклонным, другие со злым удовлетворением. К этому добавляются недействительные голоса и пустые листки. Наиболее неприятным будет настроение, если попадется эпиграмма какого-то остряка, как они, конечно, стали редкими. В кругу тирании не хватает юмора, как и всего другого, что сопровождает свободу, и шутка становится, все же, также тогда самой острой, если ради нее рискуют головой.

Мы можем предположить, что находимся в точке, в которой пропаганда уже довольно сильно продвинулась в ее устрашающем действии. В этом случае среди населения разойдется слух, что много голосов «против» были превращены в голоса «за». Но, возможно, этого совсем не понадобится.

Могло бы случиться даже совсем наоборот, если спрашивающий должен был бы изобрести еще голоса против, чтобы создать число, на которое он рассчитывал.

Несомненным остается то, что он дает закон избирателям, и не они ему. Вместе с тем становится заметным политическое свержение масс с престола, которое развивал девятнадцатый век.

При этих обстоятельствах уже могло бы значить много, если только один голос «против» из ста будет найден в урне. От носителя этого голоса можно ожидать, что он принесет жертву за свое мнение и за свои представления о праве и свободе.

6

Именно от этого голоса или скорее от его носителя тоже может зависеть то, что всегда грозящее нам положение термитов не осуществится. Расчет, который духу часто кажется веским, не оправдывается в этом пункте тогда, если остается хоть крохотная доля.

Мы здесь наталкиваемся еще не на настоящее сопротивление, однако, на сопротивление, которое еще не знает своей собственной силы и способа, каким его можно применить. Когда наш избиратель поставил крестик в опасное место, он сделал как раз то, чего ожидал от него могущественный противник. Это действие определенно смелого человека, но в то же время одного из бесчисленных неграмотных в новых вопросах власти. Речь идет о ком-то, кому нужно помочь.

Если на избирательном участке его охватывало такое чувство, будто он заходит в ловушку, тогда он осознавал положение, в котором находился. Он был на том месте, в котором ни одно название больше не соответствовало вещам, которые там происходили. Прежде всего, он заполнял, как мы видели, не избирательный бюллетень, а анкету, поэтому находился не в свободных условиях, а сталкивался с его органами власти. В то время как он теперь, единственный из ста, отметил крестиком «нет», он участвовал в статистике органов власти. Он, подвергнув себя совершенно несоразмерному риску, дал этим противнику желательные разъяснения. Для противника сто из ста голосов вызвали бы больше беспокойства.

Как, однако, должен вести себя наш человек, если он упускает последнюю предоставленную ему возможность выражения мнения? С этим вопросом мы касаемся новой науки, а именно учения о свободе человека по отношению к измененной власти. Это далеко выходит за наш единичный случай. Мы, между тем, хотели бы сначала рассмотреть его.

Избиратель оказывается в затруднительном положении, когда его к свободному решению приглашает власть, которая со своей стороны вовсе не намеревается придерживаться правил игры. Это та же самая власть, которая требует у него клятвы, в то время как она сама живет за счет нарушений клятвы. Он, таким образом, делает хороший вклад в мошеннический банк. Поэтому никто не может упрекнуть его, если он не поддастся постановке вопроса и скроет свое «нет». Он имеет право на это не только по причинам самосохранения, но в этом поведении также может обнаруживаться презрение по отношению к властителю, что даже еще превосходит простое «нет».

Это не значит, что теперь «нет» этого нашего человека должно пропасть для внешнего мира. Наоборот – только оно не должно появляться в месте, которое властитель избрал для этого. Есть другие места, на которых оно было бы ему значительно неприятнее – например, белый край предвыборного плаката, публичный телефонный справочник или перила моста, по которому ежедневно идут тысячи людей. Здесь короткое предложение, например, «Я сказал нет», стояло бы на самом лучшем месте.

Но молодому человеку, которому дают такой совет, нужно сообщить еще кое-что, чему учит только опыт, как, например, следующее: «На прошлой неделе на местном тракторном заводе увидели, что на стене было написано слово «Голод». Весь коллектив собрали и заставили вывернуть карманы. Среди карандашей нашелся один, на острие которого были следы извести».

С другой стороны, диктатуры под их собственным давлением открывают ряд слабых мест, которые упрощают нападение и сокращают требующееся для этого время. Так, если продолжать наш пример, вовсе не нужно даже писать целое вышеупомянутое предложение. Одного словечка «нет» было бы достаточно, и каждый, взгляд которого падал бы на это, точно знал бы, что это должно значить. Это знак того, что подавление удалось не полностью. Как раз на однообразном фоне символы вспыхивают особенно ярко. Серым площадям соответствует сгущение в самом тесном пространстве.

Знаки могут встречаться как цвета, фигуры или предметы. Там, где они несут характер букв, письмо возвращается к иероглифическому шрифту. Тем самым оно получает непосредственную жизнь, становится иероглифическим и теперь вместо того, чтобы объяснять, предлагает материал для объяснений. Можно пойти еще дальше с сокращением и оставить одну единственную букву вместо «нет» – например, предположим, букву W. Это могло бы означать тогда, например: Wir (мы), Wachsam (бдительный), Waffen (оружие), Wölfe (волки),

Widerstand (сопротивление). Это также могло бы означать: Waldgänger (ушедший в лес, партизан).

Это был бы первый шаг из статистически контролируемого и управляемого мира. И немедленно возникает вопрос, достаточно ли силен, все-таки, отдельный человек, чтобы пойти на такой риск.

7

В этом месте нужно учесть два возражения. Можно было бы спросить, бессмысленно ли все же одно отмеченное на избирательном бюллетене возражение? На высокой нравственной ступени предвзятых сомнений нет. Человек высказывает свое мнение, перед каким форумом это бы ни происходило. И он также осознает и принимает возможность своей гибели.

Этому нельзя возражать, хотя требование этого практически означало бы искоренение элиты, и бывают даже случаи, в которых такое требование представляется злонамеренно. Нет, такой голос не может пропасть, хоть его и отдают в безнадежной ситуации. Как раз это и придает ему особое значение. Он не поколеблет противника, все же, он изменяет того, который решался проголосовать именно так. До сих пор он был носителем политического убеждения среди других – по отношению к новому применению насилия он станет борцом, который принесет непосредственную жертву, возможно, станет мучеником. Это изменение не зависит от содержания его убеждения – старые системы, старые партии будут изменяться вместе, если дойдет до встречи. Они не вернутся вновь к унаследованной свободе. Демократ, который проголосовал за демократию одним своим голосом против 99 других, тем самым не только вышел из своей политической системы, но и из своей индивидуальности. Воздействие этого выйдет тогда далеко за мимолетный процесс, ибо после него больше не может быть ни демократии, ни индивидуума в прежнем смысле.

Это причина, по которой многочисленные попытки римских цезарей снова вернуться к республике потерпели неудачу. Республиканцы погибли в гражданской войне, или они вышли из нее измененными.

8

Второе возражение опровергнуть еще труднее – часть читателей уже сделала это: Почему только одно «нет» должно иметь вес? Ведь можно предположить,

что среди 99 других голосов находятся те, которые были поданы, исходя из полного, честного убеждения и убедительных причин?

На самом деле с этим нельзя спорить. Мы достигли тут точки, в которой никакое взаимопонимание не представляется возможным. Такое возражение убедительно, даже если был подан только один настоящий голос «за».

Давайте примем к рассмотрению один идеальный голос «за» и один идеальный голос «против». В их носителях явно стал бы заметен раздор, который скрывает в себе время, когда «за» и против» появляются также в груди отдельного человека. «Да» означало бы необходимость, «нет» означало бы свободу. Исторический процесс проходит так, что обе силы, как необходимость, так и свобода влияют на него. Он дегенерирует, если одна из обеих этих сил отсутствует.

Какая из обеих сторон оказывается видна, зависит не только от положения, а главным образом от наблюдателя. Всегда, однако, противоположная сторона будет для него ощутимой. Он в своей свободе будет ограничен необходимым, однако как раз этой свободой он придает необходимому стиль. Это создает различие, в котором люди и народы удовлетворяют требованию времени или гибнут в ней.

В уходе в лес мы рассматриваем свободу одиночки в этом мире. Для этого также нужно изобразить трудность, даже заслугу того, что означает, быть одиночкой в этом мире. То, что этот мир по необходимости изменился, и еще изменяет, не оспаривается, но вместе с ним изменилась и свобода, хоть и не по сути, но зато, пожалуй, по форме. Мы живем в век рабочего; этот тезис за прошедшее время стал отчетливее. Уход в лес создает внутри этого порядка движение, которое отделяет его от зоологических существ. Это не либеральный и не романтический акт, а свобода действий маленьких элит, которые знают как то, чего требует время, так и еще несколько больше.

9

Носитель одного голоса – это еще не ушедший в лес, еще не партизан. С исторической точки зрения он даже опаздывает. Это видно также в том, что он отрицает. Только когда он окинет взглядом всю партию, он может появиться со своими и вероятно поразительными чертами.

Для этого он, прежде всего, должен выйти из рамок старых представлений о большинстве, которые все еще действуют, хотя они были освещены уже Берком

и Риваролем. В этих рамках меньшинство в 1% совсем не будет иметь значения. Мы видели, что оно служит скорее для того, чтобы подтверждать подавляющее большинство.

Это изменяется, если не иметь в виду статистику, в пользу соображений ценности. В этом отношении один голос так сильно отличается от всех других, что он даже придает им курс. Мы можем поверить носителю этого голоса, что он не только может создать собственное мнение, а что также он придерживается его. Мы также можем поэтому признать мужество нашего человека. Если, вероятно, в долгие времена чистого применения насилия, находятся одиночки, которые хранят знание своего права даже среди жертв, то именно здесь нужно искать их. Также там, где они молчат, всегда, как над невидимыми утесами, движение будет вокруг них. На их примере оказывается, что превосходство в силе, даже там, где оно изменяет исторически, не может создать право.

Если мы рассмотрим положение дел под этим углом, власть одиночки посреди серых масс кажется не такой уж незначительной. Следует учесть, что этого одиночку почти всегда окружают близкие, на которых он влияет, и которые разделят его судьбу, если он погибнет. Также эти близкие отличаются от членов буржуазной семьи или от хороших знакомых прошлого. Речь идет о более сильных соединениях.

Вместе с тем получается сопротивление не только одного из ста избирателей, а одного из ста жителей. У такого подсчета есть пробел в том отношении, что и дети к ним приобщены, хотя в гражданской войне человек рано становится совершеннолетним и ответственным. С другой стороны, в странах со старой историей права цифру нужно устанавливать выше. Однако речь уже идет не о числовых соотношениях, а о сгущения бытия, и вместе с тем мы входим в другой порядок. Здесь нет различия, противоречит ли мнение одиночки мнению ста или тысячи других людей. Также его знания, воля, его действие может уравновесить действие десяти, двадцати или тысячи других. Если он только решился выйти из статистики, тогда ему станет очевидно вместе с риском также и бессмысленное в его предприятии, которое лежит вдали от истоков.

Нам будет достаточно, если мы предположим, что в городе с десятью тысячами жителей есть сто человек, которые решили нанести вред силе власти. В миллионном городе живут десятки тысяч партизан, если мы воспользуемся этим именем, не вдаваясь пока в его значение. Это большая сила. Ее достаточно даже для свержения сильных тиранов. Диктатуры не только опасны, они одновременно и сами находятся под угрозой, так как жестокое проявление власти возбуждает также большую антипатию. В таком положении готовность крохотных

меньшинств становится для диктатур опасной, прежде всего, если эти меньшинства разработали свою тактику.

Этим объясняется огромное увеличение полиции. Увеличение полиции до численности армий представляется на первый взгляд странным в державах, в которых одобрение стало таким подавляющим. Оно должна быть знаком того, что потенциал меньшинства вырос в том же самом отношении. Так это и обстоит на самом деле. От человека, который при так называемом голосовании за мир голосует против, при всех обстоятельствах следует ожидать сопротивления, и особенно тогда, когда у правителя возникают трудности. В отличие от этого никак нельзя с той же уверенностью рассчитывать на одобрение девяноста девяти других в том случае, если шаткое положение дел сохранится. Меньшинство в таких случаях подобно средству с сильным и непредсказуемым действием, которое пронизывает государство.

Чтобы найти эти зацепки, наблюдать, следить за ними, необходима полиция в большом количестве. Недоверие растет вместе с согласием. Чем ближе участие «хороших» голосов приближается к 100%, тем больше будет число подозреваемых, так как нужно предположить, что носители сопротивления из статистически конкретного порядка теперь перешли в тот невидимый, которой мы называем «уходом в лес». Теперь нужно наблюдать за каждым. Слежка протискивает свои щупальца в каждый квартал, в каждый жилой дом. Она стремится проникнуть даже в семьи и достигает своих последних триумфов в самообвинениях больших показательных процессов: здесь мы видим индивидуума, который выступает в роли своего собственного полицейского и способствует своему уничтожению. Этот индивидуум больше не неделим, как в либеральном мире, а разделен государством на две половины, на виновную и на другую, которая обвиняет себя.

Какой странный взгляд, видеть эти прекрасно вооруженные и оснащенные, гордящиеся владением всеми средствами поддержания власти гордящимся государства в то же время такими чувствительным. Забота, которую они должны уделять полиции, уменьшает их внешнюю власть. Полиция ограничивает бюджет армии, и не только бюджет. Если бы большие массы были так прозрачны, так же одинаково направлены вплоть до атомов, как утверждает пропаганда, тогда полиция нужна была бы не больше, чем пастуху нужны собаки для защиты его стад. Это не происходит, ибо в сером стаде скрываются волки, то есть люди, которые еще знают, что такое свобода. И эти волки сильны не только сами по себе, но есть еще и опасность, что они перенесут свои ее качества на массу, когда забрезжит злое утро, так что стадо станет стаей. Это кошмар властителей.

10

К своеобразным чертам нашего времени относится связывание значительных выступлений с незначительными исполнителями. Это становится заметным, прежде всего, в его великих мужчинах; складывается впечатление, что речь идет о типах, которых можно найти в любой массе в женевских или женских кафе, в провинциальных офицерских столовых или неизвестных караван-сараях. Где помимо голой силы воли встречаются еще духовные поезда, можно сделать вывод, что тут еще есть старый материал, как например, у Клемансо, который можно обозначить как подлинный, честный.

Самое неприятное в этом спектакле – это связь такого малого уровня с огромной функциональной властью. Это мужчины, перед которыми дрожат миллионы, от решений которых зависят миллионы. И, все же, это те, при рассмотрении которых нужно согласиться, что дух времени безошибочно выбрал их, если рассматривать его под одним из его возможных аспектов, а именно аспектом сильного разрушения. Все эти экспроприации, обесцененивания, унификации, ликвидации, рационализации, социализации, электрификации, землеустройства, разделения и распыления не предполагают ни образования, ни характера, так как и то, и другое скорее вредит автоматизму. Поэтому где в цеховом ландшафте предлагается власть, она достанется тому, в ком незначительное превосходится сильной волей. Мы снова разберем эту тему, и, в частности, ее моральную интеграцию, в другом месте.

В той же самой мере, однако, в которой действие начинает падать психологически, оно становится значительнее типологически.

Человек вступает в причинные связи, которые он не охватывает своим сознанием сразу, не говоря уже об их формировании – только со временем приобретается взгляд, которое делает спектакль понятным. Только тогда господство будет возможно. Сначала нужно понять процесс, только потом можно влиять на него.

Мы видим как вместе с катастрофами появляются типы, которые показывают, что могут справиться с ними и которые переживут их, когда случайные имена давно забыты. К ним относится, прежде всего, тип рабочего, который уверенно и непоколебимо идет к своим целям. Огонь падения лишь подчеркивает его более сильным блеском. Он еще светится в неизвестном свете титана; мы не можем предугадать, в каких королевских городах, в каких космических метрополиях он соорудит свой трон. Мир носит его форму и вооружение и однажды, пожалуй, также его праздничную одежду. Так как он стоит только в начале своего жизненного пути, сравнения с законченным не отдают ему должное.

В его сопровождении встречаются другие типы – также те, в которых одухотворяется страдание. К ним относится Неизвестный солдат, безымянный, который как раз поэтому живет не только в каждой столице, но и в каждой деревне, в каждой семье. Места боев, его временные цели и даже народы, которые они представляли, погружаются в неизвестное. Пожары остывают, и остается что-то другое, общее, к которому обращаются больше не воля и страсть, а, пожалуй, искусство и уважение.

Как теперь дошло до того, что этот образ отчетливо связывается с памятью о Первой, но не о Второй мировой войне? Это основывается на том, что теперь отчетливо выступают на передний план формы и цели мировой гражданской войны.

Вместе с тем солдатское уходит на второй план. Неизвестный солдат – это еще герой, победитель огненных миров, взваливший на себя большую ношу среди механических уничтожений. Вместе с тем он – настоящий потомок западноевропейского рыцарства.

Вторая мировая война отличается от Первой не только тем, что национальные вопросы открыто вливаются в вопросы гражданской войны и подчиняются им, но и вследствие того, что механическое развитие увеличивается и у последней черты приближается к автоматическому. Это приводит к усиленным атакам на номос и этос. В этой связи доходит до совершенно безвыходных облав со стороны власти с огромным перевесом сил. Сражение техники возрастает до боя на окружение, до Канн, у которых отсутствует античное величие. Страдание возрастает так, что все героическое исключается по необходимости.

Как и все стратегические фигуры, также и эта дает точную картину времени, которое стремится выяснять свои вопросы в огне.

Давно безвыходная окружение человека подготовлено, причем именно теориями, которые стремятся к логичному и полному объяснению мира и идут рука об руку с техническим прогрессом. Сначала наступает рациональное, затем также общественное окружение противника; в нужный час за этим следует и искоренение. Нет более безнадежной судьбы чем попасть в такую последовательность, в которой право стало оружием.

11

Такие явления в человеческой истории были всегда, и их можно было причислить к ужасам, без которых редко обходятся великие изменения. Тревожнее то, что есть угроза того, что жестокость станет элементом, учреждением новых структур власти, и что беззащитного одиночку выдают ей на расправу прямо в руки.

У этого есть несколько причин, прежде всего, та, что рациональное мышление жестоко. Это тогда входит в планы. При этом особую роль играет прекращение свободной конкуренции. Это вызывает странное отражение. Конкуренция подобна, как говорит само ее имя, гонке, в которой самые искусные завоевывают призы. Где она отсутствует, там угрожает своеобразный вид «пенсионерства» за государственный счет, в то время как внешняя конкуренция, гонка государств между собой сохраняется. В этот пробел входит террор. Разумеется, существуют и другие обстоятельства, которые его вызывают: здесь показывается одна из причин, по которым он остается. Теперь достигнутую гонкой скорость должен поддерживать страх. Стандарт там зависит от высокого давления, а здесь от вакуума. Там стиль движения указывает побеждающий, а здесь тот, у которого дела идут еще хуже.

С этим тогда связано то, что во втором случае государство постоянно считает себя вынужденным подвергать часть населения ужасному давлению. Жизнь стала серой, но она все же может казаться сравнительно сносной тому, который вокруг себя видит только темноту, абсолютный черный цвет.

В этом, а не в области экономики, лежат опасности большого планирования.

Выбор преследуемых таким образом слоев остается произвольным; речь всегда будет идти о меньшинствах, которые либо выделяются по своей природе, либо они конструируются.

Становится очевидным, что при этом угроза распространяется на всех, которые выделяются благодаря своему наследию и таланту. Климат распространяется на обращение с побежденными на войне; в связи с упреками в общей вине доходит до вымарывания голодом лагерей для пленных, к принудительному труду, к искоренению на далеких территориях и до депортации оставшихся в живых.

Понятно, что человек в такой ситуации предпочтет нести самую тяжелую ношу, чем оказаться причисленным к «другим». Автоматизм, кажется, играючи разби-

вает остатки свободной воли, и преследование стало плотным и всеобщим как элемент. Бегство может оказаться возможным лишь для немногих счастливчиков, да и то обычно ведет к худшему. Сопротивление, кажется, оживляет сильных, предоставляет им желательную возможность к насилию. В противоположность этому последней надеждой остается, что процесс мог бы сожрать самого себя как вулкан, который рассыпает сам себя. Между тем для того, кого вот так вот окружили, могут остаться только две заботы: выполнять то, что нужно, и не отклоняться от нормы. Это воздействует вплоть до зон безопасности, где люди охвачены паникой близкого падения.

В этот момент, причем не только теоретически, а во всяком существовании сегодняшнего дня, возникает вопрос, можно ли пройти еще по другой дороге. Там есть узкие перевалы, горные тропы, которые можно обнаружить только после долгих подъемов. Дошло до новой концепции власти, до ее сильных, прямых концентраций. Чтобы выдержать это, требуется новая концепция свободы, которая может не иметь ничего общего с побледневшими, утратившими силу понятиями, которые соединяются сегодня с этим словом. В первую очередь это предполагает, что не хотят оставаться лишь неостриженным, а хотят оставить волосы.

И в действительности становится известно, что в этих государствах с их могущественной полицией не все движение вымерло. В панцире новых левиафанов есть свои бреши, которые постоянно прощупываются, и это предполагает как осторожность, так и смелость до сих пор неизвестного вида. Так напрашивается мысль, что элиты подготавливают здесь борьбу ради новой свободы, которая потребует больших жертв и не может истолковываться тем способом, который недостоин ее.

Нужно уже смотреть на сильные времена и пространства, чтобы найти сравнения, например, на времена гугенотов или герильи, как Гойя видел в его серии «Desastres». В сравнении с этим штурм Бастилии, который еще сегодня подпитывает у индивидуума сознание свободы, остается воскресной прогулкой за город.

В принципе, тиранию и свободу нельзя рассматривать по отдельности, хотя они, с точки зрения времени, сменяют друг друга. Можно, конечно, сказать, что тирания упраздняет и уничтожает свободу – с другой стороны, однако, тирания может стать возможной только там, где свобода стала ручной и загнала себя в пустопорожнее понятие.

Человек склоняется к тому, чтобы полагаться на аппарат или уступать ему даже там, где он должен черпать из своих собственных источников. Это недостаток фантазии. Он должен знать точки, в которых он не может позволить выкупить у себя свое суверенное решение. До тех пор пока дела в порядке, вода будет в кране и ток в розетке. Если жизнь и собственность оказывается под угрозой, сирена тревоги волшебным образом вызовет пожарных и полицейских. Большая опасность состоит в том, что человек слишком твердо полагается на эту помощь и становится беспомощен, где они отсутствуют. За каждый комфорт нужно платить. Положение домашнего животного влечет за собой положение животного, которого ведут на убой. Катастрофы проверяют, в какой мере люди и народы еще основаны оригинально. Достает ли, по крайней мере, еще корневище непосредственно до грунта – от этого зависят здоровье и перспективы на жизнь по ту сторону цивилизации и ее заверения.

Это становится видно в фазах самой сильной угрозы, в которые аппараты не только оставляют людей в беде, но и окружают их таким способом, который не оставляет выхода. Тогда он должен решить, хочет ли он признать партию проигранной или продолжить ее из своей самой внутренней и собственной силы. В этом случае он решается на уход в лес.

12

Мы назвали рабочего и неизвестного солдата как двух великих фигур нашего времени. Под партизаном мы понимаем третью, которая представляется нам все отчетливее. В рабочем действующий принцип развертывается в попытке пронзить вселенную новым способом и овладеть ею, достигнуть близкого и далекого, чего не видел еще ни один глаз, покорить силы, которых еще никто не освобождал. Неизвестный солдат стоит на теневой стороне действий, как идущий на жертву, который несет бремя в больших огненных пустынях и заклинается как добрый, объединяющий дух не только внутри народов, но и между ними. Он непосредственно – сын земли.

Партизаном, однако, мы называем того, кто став одиноким и бесприютным в результате большого процесса, наконец, видит, что он отдан во власть уничтожению. Это могло бы быть судьбой многих, даже всех – итак, должно присоединиться еще одно предназначение. Оно состоит в том, что партизан решился оказывать сопротивление и намеревается вести, вероятно, безнадежную борьбу. Итак, партизан – это тот, кто обладает исходной связью со свободой, которая, с точки зрения времени, выражается в том, что он намерен сопротивляться автоматизму, и не собирается делать из него этический вывод, т.е. фатализм.

Если мы рассматриваем его так, мы поймем, какую роль уход в лес играет не только в мыслях, но и в действительности наших лет. Ведь каждый находится сегодня в стесненном положении, и попытки устранить принуждение, подобны смелым экспериментам, от которых зависит еще гораздо большая судьба, чем та, на которую они решаются рискнуть.

Такое рискованное предприятие может ожидать успеха только тогда, если ему окажут помощь три великие силы искусства, философии и теологии, и в безвыходном положении будет пробит путь. Мы еще рассмотрим это в деталях. Предварительным условием пусть будет только то, что в искусстве тема окруженного одиночки действительно завоевывает себе место. Естественно это особенно ярко выступает в описании людей, которое представлено в театре и в кино, но прежде всего – в романе. И действительно мы видим, как меняются перспективы, когда описание прогрессивного или деградирующего общества сменяются конфликтом отдельного человека с техническим коллективом и его миром. В то время как автор проникает в его глубину, он сам становится партизаном, так как авторство – это только имя для независимости.

От этих описаний прямая линия ведет к Эдгару Аллану По. Необычное в этом духе лежит в его экономности. Мы слышим лейтмотив, прежде чем занавес поднимается, и уже при первых тактах знаем, что спектакль будет угрожающим. Скупые математические фигуры – это одновременно фигуры судьбы; их неслыханное очарование основывается как раз на этом. Водоворот, это воронка, непреодолимое течение, с которой притягивает пустота, Ничто. Канава с водой дает нам картину котла, все более плотного окружения, помещение становится все теснее и напирает на крыс. Маятник – это символ мертвого, измеримого времени. В нем раскачивается острый серп Кроноса, и грозит скованному, но в то же время освобождает его, если он умеет пользоваться им.

Между тем скупая картографическая сетка заполнялась морями и странами. К этому добавился исторический опыт. Все более искусственные города, автоматические отношения, войны и гражданские войны, ад машин, серые деспотии, тюрьмы и тонко продуманные преследования – все это вещи, которые получили имена и занимают человека днем и ночью. Мы видим, как человек размышляет о движении вперед и о выходе как смелый планировщик и мыслитель, мы видим его в действии как управляющего машинами, как воина, пленника, как партизана посреди его городов, которые то пылают, то празднично сияют огнями. Мы видим его как презирающего ценности, как хладнокровного счетовода, но также видим его и в отчаянии, когда посреди лабиринтов его взгляд ищет звезды.

У процесса есть два полюса – с одной стороны это полюс целого, которое формируясь все более сильно, идет вперед, ломая всякое сопротивление. Здесь законченное движение, имперское развитие, совершенная безопасность и уверенность. На другом полюсе мы видим одиночку, больного и беззащитного, в столь же совершенной неуверенности, небезопасности. И то и другое зависят друг от друга, так как большое проявление власти живет за счет страха, и принуждение становится особенно эффективным там, где чувствительность увеличена.

Если искусство в бесчисленных попытках занимается этим новым положением человека как своей настоящей темой, то это выходит за грани обычного описания. Речь скорее идет об экспериментах с наивысшей целью соединить в новой гармонии свободу и мир.

Где это становится заметным в художественном произведении, там накопившийся страх должен улетучиться как туман при первом солнечном луче.

13

Страх принадлежит к числу симптомов нашего времени. Он воздействует тем более тревожнее, что он прилагается к эпохе большой индивидуальной свободы, в которой также и та нужда, которую например, изображал Диккенс, стала почти неизвестной.

Как дошло дело до такого перехода? Если бы вы захотели подобрать конкретный день, то ни один, пожалуй, не был бы более подходящим, чем день гибели «Титаника». Здесь ярко сталкиваются свет и тень: наглая заносчивость прогресса с паникой, наивысший комфорт с разрушением, автоматизм с катастрофой, которая проявляется как несчастный случай на транспорте.

Действительно растущий автоматизм и страх находятся в очень тесной связи, а именно в том отношении, когда человек ограничивается в своих решениях в пользу облегчения, обеспечиваемого техникой. Это ведет к разнообразному комфорту. Однако по необходимости должна увеличиться и потеря свободы. Одиночка больше не стоит в обществе как дерево в лесу, но он подобен пассажиру в быстро двигающемся транспортном средстве, которое может называться «Титаником» или даже левиафаном. До тех пор пока погода приятно хороша и вид приятен, он едва ли обнаружит то состояние минимальной свободы, в которое он попал. Наоборот, приходит оптимизм, сознание власти, которое производит скорость. Это изменится тогда, когда появятся огнедышащие острова и айс-

берги. Тогда не только техника уходит от комфорта в другие сферы, но в то же время недостаток свободы становится заметным – будь это в победе стихийных сил, будь это вследствие того, что одиночки, которые остались сильными, применяют абсолютную власть командования.

Подробности известны и описаны неоднократно; они принадлежат нашему собственному опыту. Здесь можно было бы возразить, что уже были времена страха, апокалиптической паники, хотя этот нынешний автоматический характер их не подготавливал и не сопровождал. Мы не хотели бы этого касаться, так как автоматическое становится страшным только тогда, если оно раскрывается как одна из форм, как стиль судьбы, как это столь бесподобно изобразил уже Иероним Босх. Пусть теперь в случае с современным страхом речь идет даже о каком-то очень необычном страхе или только о стиле времени всемирного страха, который снова возвращается – мы не хотим задерживаться на этом вопросе, зато хотим задать встречный вопрос, который нам близок к сердцу: возможно ли, вероятно, уменьшить страх, в то время как автоматизм продолжает существовать или, как можно предвидеть, далее приближается к совершенству? Было ли возможно одновременно оставаться на корабле и оставлять при этом за собой собственное решение – то есть, не только сохранять корни, но и укреплять их, которые еще держатся за первопричину? Это и есть настоящий вопрос нашего существования. Это также и тот вопрос, который сегодня скрывается за каждым страхом времени. Человек спрашивает, как он может избежать уничтожения. Если в течение этих лет в любой точке Европы завязать беседу со знакомыми или незнакомыми, то беседа вскоре обратится к общему, и все бедствие выйдет наружу. Вы узнаете, что почти все эти мужчины и женщины охвачены такой паникой, которая была у нас неизвестной со времен раннего средневековья. Вы увидите, что они поддаются своему страху с чем-то вроде одержимости, открыто и бесстыдно выгоняют наружу симптомы этого страха. Вы там присутствуете на соревновании духов, которые спорят, лучше ли убежать, скрыться или совершить самоубийство, и при полной свободе уже размышляют о том, какими средствами и хитростями они могут добиться для себя расположения низших, если дойдет до их господства. И вы с ужасом почувствуете, что нет подлости, на которую они не согласятся, если потребуется. Среди них вы увидите сильных, здоровых мужчин, которые выросли как участники соревнований. Спросите себя, для чего они занимаются спортом.

Теперь те же люди не только боятся, но они и сами одновременно страшны. Настроение их переходит от страха к открытой ненависти, если они видят, как слабеют те, которых они как раз еще боялись. И не только в Европе вы встретите такие собрания. Паника становится еще плотнее там, где автоматизм возрастает и приближается к превосходным формам, как в Америке. Там она находит

для себя лучшее питание; она распространяется по сетям, которые бегут наперегонки с молнией. Уже сама потребность получать новости несколько раз в день, – это признак страха; воображение растет и парализует себя в растущих оборотах. Все эти антенны гигантских городов подобны вставшим дыбом волосам. Они бросают вызов к демоническим соприкосновениям.

Восток тут, несомненно, не представляет собой исключения. Запад боится Востока, Восток боится Запада. Во всех точках мира живут в ожидании ужасных нападений. Во многих местах к этому прибавляется страх гражданской войны.

Грубый политический механизм – это не единственный повод для этого страха. Кроме него есть еще другие бесчисленные страхи. Они влекут за собой ту неизвестность, которая всегда надеется на врачей, спасателей, гениев. Все может быть предметом страха. Тогда это более отчетливый признак гибели, чем любая физическая опасность.

14

Основной вопрос в этих бурях звучит, можно ли освободить человека от страха. Это гораздо важнее, чем вооружить его или снабдить медикаментами. Сила и здоровье принадлежат смелому. Напротив, страх охватывает также и вооруженных до зубов – даже именно их. То же самое можно сказать о тех, которые купаются в изобилии. С помощью орудия, сокровищ нельзя изгнать угрозу. Они только вспомогательное средство.

Страх и угроза находятся в настолько тесной связи, что едва ли можно сказать, какая из обеих этих сил порождает другую. Страх важнее, поэтому нужно начинать с него, если хотите развязать узел.

Однако стоило бы предостеречь от противоположного подхода, т.е. от попытки начать с угрозы. Если попытаться стать страшнее того, кто внушает тебе страх, это не приведет ни к какому решению. Это классическое соотношение между красным и белым, между красным и красным и завтра, вероятно, между белым и цветным. Ужас похож на огонь, который хочет сожрать мир. В то же время увеличивается страх. Как призванный к господству будет узаконен тот, который положит ужасу конец. Это тот же самый, который преодолел страх раньше.

В дальнейшем важно знать, что страх нельзя изгнать полностью. Это также не вывело бы за грани автоматизма, наоборот, это ввело бы его внутрь человека. Страх всегда останется большим партнером в диалоге, если человек будет сове-

товаться с самим собой. При этом страх стремится к монологу, и только в этой роли он сохраняет за собой последнее слово.

Напротив, если страх призывают к диалогу, то человек получает право голоса наравне с ним. При этом также отпадает представление о том, что ты окружен. Кроме автоматического все еще будет очевидно другое решение. Это значит, что есть два пути, или, другими словами, свободное решение восстановлено.

Даже если и принять наихудший случай гибели, то все равно остается различие как между светом и мраком. Здесь поднимается путь в высокие царства, к жертвенной смерти или к судьбе того, кто погибает с оружием; там он опускается в низины лагерей рабов и боен, в которых примитивные убийственно объединяются с техникой. Там нет судьбы, а есть только больше цифр. Но есть ли у него судьба, или же его воспринимают только как цифру: вот решение, которое сегодня навязывается каждому, все же, он должен принимать это решение только сам. Сегодня отдельный человек точно так же суверенен, как в любом другом отрезке истории, вероятно, даже сильнее. А именно, в той самой мере, в которой коллективные силы завоевывают себе пространство, отдельный человек выделится из старых, развившихся союзов и будет стоять за самого себя. Теперь он будет противником левиафана, даже его победителем, укротителем.

Мы хотели бы еще раз вернуться к картине выборов. Выборный процесс, как мы его видели, стал автоматическим публичным выступлением, которое определяет организатор. Отдельного человеку могут принудить – и принуждают – участвовать в нем. Он должен только знать, что все позиции, которые он может занять в пределах этого поля, в равной мере ничтожны. Нет никакой разницы, двигается ли дичь между красными флажками на том или на этом месте.

Место свободы это совсем не то, что простая оппозиция, также и не то, чего он мог бы добиться бегством. Мы назвали это место лесом. Там есть другие средства, помимо того «нет», которое ставят в предусмотренный для этого кружок или квадратик. Мы видели, конечно, что при том положении, до которого дела дошли, вероятно, только один из ста способен на уход в лес. Однако речь идет не о числовых соотношениях. При пожаре в театре хватает одной ясной головы, одного сильного сердца, чтобы заставить утихнуть панику у тысячи человек, которые поддались животному страху и могут в бегстве затоптать друг друга.

Если здесь говорится об одиночке, то под этим подразумевается человек, причем без того привкуса, который приобрело это слово за два последних века. Здесь имеется в виду свободный человек, такой же, как его создал Бог. Этот человек – это не исключение, он не представляет собой элиту. Он скорее скры-

вается в каждом, и различия проистекают только из степени, до которой одиночка в состоянии воплотить переданную ему свободу. Для этого ему нужно помочь – как мыслящий, как знающий, как друг, как любящий.

Также можно сказать, что человек спит в лесу. В тот момент, когда он, просыпаясь, осознает свою силу, порядок снова восстановлен. Более высокий ритм истории можно вообще объяснить тем, что человек периодически открывает себя заново. Всегда есть силы, которые хотят натянуть на него маску, то тотемистические, то магические, то технические. Тогда растет неподвижность и с нею страх. Искусства каменеют, догма становится абсолютной.

Однако с самых ранних времен повторяется спектакль, что человек снимает маску, и веселье следует за ним, ибо оно – отражение свободы.

Из-за очарования сильных оптических обманов стало привычно рассматривать человека по сравнению с его машинами и аппаратами как песчинку. Но аппараты были и остаются, тем не менее, кулисами низшего воображения. Человек произвел их и может прекратить их работу или придать им новое содержание. Оковы техники можно сломать, причем сделать это может именно отдельный человек.

15

Осталось еще указать на возможность одной ошибки – имеется в виду доверие к чистому воображению. При этом можно допустить, что оно ведет к духовной победе. Между тем, это не может определяться основанием школ йоги. Оно представляется не только многочисленным сектам, но и определенному типу христианского нигилизма, который обесценивает дело. Тем не менее, нельзя ограничиваться тем, чтобы на верхнем этаже познавать истину и добро, в то время как в подвале с ближних сдирают шкуру. Этого нельзя делать и тогда, если в духовном плане находишься не только в безопасной, но и в превосходящей позиции, а именно потому, что неслыханное страдание миллионов порабощенных вопиет к небу. В воздухе все еще ощущается запах живодерен. Вокруг таких вещей жульничать нельзя.

Поэтому нам не дано пребывать в воображении, хотя оно и дает основную силу действиям. Борьбе за власть предшествуют сглаживание картин и падение картин. Это причина, по которой мы зависим от поэтов. Они начинают свержение, и свержение тиранов тоже. Воображение и вместе с ним пение относятся к уходу в лес.

Мы хотели бы вернуться ко второй из знакомых нам картин. Что касается исторического мира, в котором мы находимся, то он подобен быстро двигающейся повозке, которая принимает то черты удобства, то черты ужаса. Это то «Титаник», то левиафан. Так как движущееся приманивает взгляд, для большинства пассажиров корабля остается скрытым, что они находятся в то же время в другом царстве, в котором господствует совершенное спокойствие. Второе из этих царств настолько превосходящее, как будто бы оно содержало первое в себе подобно игрушке, как одно из тех манифестаций, которые существуют в огромном количестве. Второе царство это гавань, это родина, мир и безопасность, которую каждый несет в себе. Мы называем это лесом.

Морское путешествие и лес – может показаться трудным объединить столь далекие друг от друга образы в одну картину. Мифу эта противоположность более знакома – то похищенный тирренскими корабельщиками Дионис приказал виноградным лозам и плющу переплести весла и дорасти до мачт. Из их чащи вырвался тигр, который разорвал разбойников.

Миф это не предыстория; он – вневременная действительность, которая повторяется в истории. То, что наше столетие снова находит в мифах смысл, относится к добрым знакам. Также сегодня человека мощные силы приводят далеко в море, далеко в пустыню и в их мир масок. Путешествие утратит свои угрожающие черты, если человек помнит о своей божественной силе.

16

Мы должны осознать и признать два факта, если хотим выйти из состояния сплошного цугцванга к продуманной партии. Во-первых, мы должны знать, как мы видели на примере выборов, что только маленькая доля больших человеческих масс способна сопротивляться могущественным фикциям времени и угрозе, которую они излучают. Эта доля, конечно, может быть замещающей. Во-вторых, мы видели на примере корабля, что сил современности не достаточно для сопротивления.

В обеих этих констатациях нет ничего нового. Они лежат в порядке вещей и всегда снова навязываются там, где дают о себе знать катастрофы. Тогда всегда действие переходит к избранным, которые предпочитают опасность рабству. И всегда действиям будет предшествовать размышление. Оно выражается однажды как критика времени, это значит: как осознание того, что действующие нынче ценности больше не достаточны, а потом как воспоминание. Это воспоминание может направляться на отцов и на их более близкие к первоистокам

порядки. Тогда его целью будут именно консервативные восстановления. При больших опасностях спасительное будут искать еще глубже, а именно у матерей, и в этом соприкосновении освободится стихийная сила. Чисто временные силы не смогут выдержать ее.

Два качества предполагаются у партизана. Он не позволяет диктовать себе закон ни одной обладающей преобладающей мощью силе – ни с помощью пропаганды, ни путем насилия. И он думает защищать себя, не только используя средства и идеи времени, но одновременно держит открытым доступ к силам, которые превосходят силы времени и никогда не смогут полностью раствориться в движении. Тогда можно решиться на уход.

Теперь возникает вопрос о цели таких усилий. Как уже вкратце показывалось выше, эта цель не может ограничиваться завоеванием чисто внутренних царств. Это относится к представлениям, которые распространяются после поражения. Ограничение реальными целями, как например, ведением национальной освободительной борьбы, было бы так же недостаточным. Мы вскоре увидим, что речь идет об усилиях, которые также национальная свобода венчает как присоединяющееся. Мы ведь впутаны не в одно лишь национальное крушение, а во всемирную катастрофу, при которой едва ли можно сказать себе и еще меньше можно предсказать, кто тут, собственно, победители и кто побежденные.

Это скорее так, что простой человек, мужчина на улице, которого мы встречаем ежедневно и всюду, осознал ситуацию лучше, чем все правительства и все теоретики. Это основывается на том, что в нем все еще живут следы знаний, которые достигают больших глубин, чем банальности времени. Поэтому случается так, что на конференциях и конгрессах принимаются решения, которые гораздо глупее и опаснее, чем было бы решение первого встречного, которого спросили бы, вытащив его из трамвая.

У одиночки все еще есть органы, в которых живет больше мудрости, чем во всей организации. Это демонстрируется даже в самом его замешательстве, в его страхе. Если он измучит себя, чтобы найти выход, запасной путь, то он вместе с тем демонстрирует поведение, которое соответствует близости и масштабу угрозы. Если он не доверяет валютам и обращается к вещам, он ведет себя как тот, кто знает еще различие между золотом и печатной краской. Если он в богатых, мирных странах по ночам просыпается от ужаса, то это так же естественно как головокружение на краю пропасти. Не имеет смысла убеждать его в том, чтобы пропасти вовсе не было. И если следует посоветоваться, то хорошо, что это произойдет все же еще у края пропасти.

Как ведет себя человек ввиду и внутри катастрофы? Это тема, которая становится все актуальнее. Все вопросы объединяются в этот один и самый важный. Также и внутри народов, которые, кажется, готовят планы друг против друга, в принципе, размышляют над той же самой угрозой.

Во всяком случае, полезно внимательно следить за катастрофой, а также за тем способом, которым можно впутаться в нее. Это духовное упражнение. Если мы правильно к этому приступим, страх уменьшится, и в этом будет уже первый, значительный шаг к уверенности. Воздействие будет не только персонально благотворным, но и профилактическим, так как в той же самой степени, в какой в одиночке уменьшается страх, убавляется вероятность катастрофы.

17

Корабль означает временное, лес – вечное бытие. В нашей нигилистской эпохе усиливается обман зрения, который, кажется, увеличивает движущееся за счет покоящегося. На самом деле все, что развертывается сегодня в технической силе, это лишь мимолетное мерцание из сокровищниц бытия. Если человеку удается пусть даже только на неизмеримые мгновения войти в них, то он добудет себе уверенность: временное не только утратит угрожающее, а будет казаться ему разумным.

Мы хотим назвать этот поворот уходом в лес, а человека, который осуществляет его, партизаном. Как и слово «рабочий» это слово тоже обозначает шкалу, так как оно характеризует не только самые различные формы и области, но и ступени поведения. Не может повредить то, что у этого выражения уже есть предыстория как у старинного исландского слова, хотя мы займемся этим выражением ниже. Уход в лес следовал за изгнанием; благодаря нему мужчина демонстрировал свою волю для самоутверждения своими силами. Это считалось честным, и это так еще и сегодня, вопреки всем банальностям.

В большинстве случаев изгнанию предшествовало убийство, в то время как сегодня оно автоматически, похоже на оборот рулетки, ударяет по человеку. Никто не знает, не будет ли он уже завтра причислен к группе, которая стоит вне закона. Тогда сменяется цивилизаторская видимость жизни, в то время как комфортабельные кулисы исчезают и превращаются в знак уничтожения. Шикарный лайнер становится линкором, или на нем поднимаются черные пиратские флаги и красные флаги палачей: тот, кого изгоняли во времена наших предков, тот был приучен к собственным мыслям, к трудной жизни и самостоятельному действию. Он мог в более поздние времена чувствовать себя доста-

точно сильным, чтобы также пойти на изгнание и быть не только самому себе воином, врачом и судьей, но также и священником для самого себя. Но сегодня это не так. Люди встроены в коллективное и конструктивное таким способом, который делает их совсем беззащитными. Они едва ли отдают себе отчет о том, насколько необычайно сильными в наше время просвещения стали предубеждения.

К этому добавляется жизнь из розеток, консервов и труб; унификации, повторения, передачи. И со здоровьем в большинстве случаев дело обстоит не хорошо. И тогда внезапно происходит изгнание, часто как гром с ясного неба: Ты красный, белый, чернокожий, русский, еврей, немец, кореец, иезуит, масон и, во всяком случае, ты намного хуже собаки. Там можно было испытать, что люди, которых это затронуло, участвовали в своем собственном осуждении.

Поэтому могло бы быть полезным изобразить находящемуся под угрозой то положение, в котором он находится и которое он, как правило, не осознает. Из этого, вероятно, последует вид действия. Мы на примере выборов видели, как тонко скрыты ловушки. Сначала следовало бы исключить еще несколько недоразумений, которые легко прицепились бы к этому слову и ослабили бы его в намерениях в пользу ограниченных целей:

Уход в лес нельзя понимать как направленную против мира машин форму анархизма, хотя напрашивается искушение сделать это, особенно если стремление в то же время направлено на связь с мифом. Мифическое, несомненно, придет и оно уже приближается. Оно будет всегда и в нужный час поднимется, как сокровище, на поверхность. Но оно будет брать начало как раз из наивысшего, поднявшегося движения как другой принцип. Движение в этом смысле – это только механизм, крик рождения. К мифическому не возвращаются, его встречают снова, когда время колеблется в своей структуре, и в сфере наивысшей опасности. Это также не значит: виноградная лоза или ---, но значит: виноградная лоза и корабль. Растет число тех, кто хочет покинуть корабль и среди них есть также острые головы и добрые гении. В принципе, это называется, сойти с корабля в открытом море. Тогда наступают голод, каннибализм и акулы, короче, все ужасы, которые известны нам из истории о плоте фрегата «Медуза».

Поэтому, во всяком случае, следует посоветовать оставаться на борту и на палубе, даже рискуя тем, что взлетишь в воздух вместе с кораблем.

Это возражение не направлено против поэта, который делает явным сильное превосходство эстетического мира над техническим миром, как в своем творче-

стве, так и в своем существовании. Он помогает человеку вновь возвратиться к себе: поэт – это партизан.

Ничуть не менее опасным было бы ограничение слова одной немецкой освободительной борьбой. Германия из-за ее катастрофы попала в положение, которое обуславливает преобразование армии. Такого преобразования не происходило с поражения 1806 года – потому что, хотя армии и изменились очень сильно как по своей численности, так и в техническом и тактическом отношениях, они, тем не менее, все еще основываются на главных идеях Французской революции, как и все наши политические учреждения. Тем не менее, настоящая реорганизация армии состоит не в том, чтобы перестроить вермахт под условия воздушной стратегии или ядерной стратегии. Речь скорее идет о том, чтобы новая идея свободы приобрела власть и форму, как это произошло в революционных армиях французов после 1789 года и в прусской армии после 1806 года. В этом отношении возможны, однако, также сегодня процессы развития сил, которые питаются из других принципов, нежели из принципов тотальной мобилизации. Но эти принципы не подчинены нациям, но они будут применяться на каждом месте, где бодрствует свобода. С технической точки зрения мы достигали состояния, в котором только лишь две державы являются абсолютно автаркическими, т.е. способны на политически-стратегическое поведение, которое, опираясь на гигантские боевые средства, способно для достижения глобальных целей. Уход в лес, напротив, будет возможен в каждой точке Земли.

В дальнейшем нужно сказать, что за этим словом не скрывается никакое намерение, направленное против Востока. Страх, который царит сегодня на планете, во многом вдохновлен Востоком. Этот страх выражается в мощной гонке вооружений, как в материальной, так и в духовной области. Но как бы это ни было заметно, речь идет, все же, не об основном мотиве, а о последствии международного положения. Русские находятся в таком же затруднительном положении, как все другие, еще сильнее, вероятно, в своем изгнании, если использовать страх как мерило. Однако, страх нельзя уменьшить с помощью вооружения, а только путем нахождения нового доступа к свободе. В этом отношении русские и немцы еще много должны будут сказать друг другу; у них обоих похожий опыт. Уход в лес – это и для русского тоже центральная проблема. Как большевик он находится на корабле, как русский – он в лесу. Его угроза и его безопасность определяются этим соотношением.

Это намерение вообще не ориентируется на политико-технические передние планы и их группировки. Они проходят мимолетно, тогда как угроза остается, даже возвращается быстрее и сильнее. Противники становятся настолько похожими друг на друга, что в них нетрудно угадать разные переодевания одной и

той же силы. Речь идет не о том принуждать появление здесь или там, а о том, чтобы усмирить время. Это требует суверенитета. И его сегодня можно найти не столько в больших решениях, сколько в человеке, который внутри себя отрекается от страха. Огромные мероприятия направлены против него одного, и, тем не менее, они, в конечном счете, предопределены для его триумфа. Это познание освобождает его. Тогда диктатуры обращаются в прах. Здесь лежат едва ли исследованные резервы нашего времени, и не только нашего. Эта свобода – это тема истории вообще и отграничивает ее: здесь против царств демонов, там против только зоологического развития событий. Это подготовлено в образах мифов и религии и всегда возвращается, и всегда великаны и титаны появляются с той же самой преобладающей мощью. Свободный человек поражает их, он не всегда должен быть князем и Гераклом. Камня из пастушьей пращи, знамени, которое подхватила дева, и арбалета уже бывает достаточно.

18

Здесь уместен другой вопрос. Насколько свобода желательна, даже вообще рациональна в пределах нашего исторического положения и его своеобразия? Разве особенная и легко недооцениваемая заслуга человека этого времени состоит как раз не в том, что он может в большом объеме отказаться от свободы? Во многом он подобен солдату на марше к неизвестным ему целям или рабочему во дворце, который заселят другие; и это не самый плохой аспект. Нужно ли отклонять его до тех пор, пока происходит движение?

Тот, кто стремится найти рациональные черты у развития событий, которое связано с такими большими страданиями, превращается в камень преткновения. Тем не менее, все прогнозы, которые основываются на чистом настроении гибели, неверны. Мы скорее проходим через ряд все более отчетливых картин, все более ясных форм. И катастрофы тоже едва ли прерывают дорогу, скорее, они сокращают ее во многом. Нет сомнения, что цели есть. Миллионы увлечены этими целями, живут так, что было бы невыносимо без этой перспективы, и что нельзя объяснить одним лишь принуждением. Жертвы, вероятно, будут увенчаны, пусть поздно, но они, все же, не будут напрасными.

Мы касаемся здесь необходимого, судьбы, которая определяет тип рабочего. Родов никогда не бывает без боли. Процессы продолжатся, и, как в каждой судьбоносной ситуации, все попытки задержать их и возвратить на исходный рубеж скорее будут им содействовать и помогать набрать скорость.

Поэтому также полезно никогда не упускать из виду необходимое, если не хотите заблудиться в иллюзиях. Однако свобода дана вместе с необходимым, и только, если она находится с ним в пропорции, представляется новое состояние. С точки зрения времени каждое изменение в необходимом приносит также и изменение свободы.

Этим объясняется, что понятия свободы 1789 года стали неустойчивыми и не могут решительно справиться с насилием. Свобода, напротив, бессмертна, хотя всегда одевает себя в одежду времени. К тому же ее нужно всегда добиваться снова и снова. Унаследованная свобода должна утверждаться в тех формах, в которых их создает ее встреча с исторически необходимым.

Теперь нужно согласиться, что утверждение свободы особенно трудно сегодня. Сопротивление требует больших жертв; этим объясняется численное превосходство тех, кто предпочитает принуждение. Тем не менее, настоящую историю могут делать только свободные. История – это форма, которую свободный человек придает судьбе. В этом смысле, конечно, он может выглядеть замещающим; его жертва причисляется к жертвам других.

Мы предполагаем, что то полушарие, в котором совершается необходимое, мы уже исследовали в его основных чертах. Здесь выделяется техническое, типичное, коллективное, порой грандиозное, порой страшное. Теперь мы приближаемся к другому полюсу, в котором одиночка действует не только как страдающий, но одновременно как понимающий и управляющий. Там аспекты меняются; они становятся более духовными и более свободными, но и опасности тоже становятся отчетливее.

Между тем, нельзя было бы начинать с этой части задания, так как сначала ставится необходимое. Оно может выступать по отношению к нам как принуждение, как болезнь, как хаос, даже как смерть – но в любом случае оно хочет быть понято как задание.

Итак, дело не в том, чтобы изменить основные контуры мира труда; большое разрушение скорее освободит его. Но могли бы быть построены другие дворцы, чем те гнезда термитов, которых утопия частично требует, частично опасается; так просто план не составлен. Речь также и не о том, чтобы отказываться платить времени дань, которую то требует, так как долг и свободу можно объединить.

19

Следует рассмотреть и дальнейшее возражение: нужно ли связывать себя с катастрофой? Нужно ли, пусть даже лишь в духовном плане, доходить до края морей, водопадов, вихря водоворота, больших пропастей?

Это возражение не нужно недооценивать. Это разумно – прокладывать надежные пути, как предписывает их разум, с волей настаивать на них.

Эта дилемма становится также практичной, как при вооружениях. Вооружение создается на случай войны, сначала как гарантия безопасности. Потом оно ведет к границе, у которой оно, кажется, подгоняет войну и притягивает ее. Здесь существует определенная степень капиталовложений, которая в любом случае ведет к банкротству. Так можно было бы подумать и о системах громоотводов, которые, в конечном счете, вызывают грозы.

То же самое справедливо и для духовного. Когда задумываются о крайних дорогах, пренебрегают проезжими дорогами. Также и здесь, между тем, одно не исключает другого. Скорее разум требует обдумывать возможные случаи в их совокупности и готовить на каждый из них ответ как ряд шахматных ходов.

В нашем положении мы обязаны считаться с катастрофой и идти спать с нею, чтобы она не нанесла нам ночью внезапный удар. Только вследствие этого нам удастся получить запас уверенности, который сделает возможным рациональное действие. При полной безопасности мысль только играет с катастрофой; она приобщает катастрофу к своим планам как невероятную величину и прикрывается мелкой страховкой. В наши дни это наоборот. Мы должны обратить почти весь капитал в катастрофу – чтобы как раз вследствие этого держать открытым средний путь, который стал тонким, как лезвие ножа.

Знание среднего пути, которого требует разум, остается необходимым; оно подобно стрелке компаса, которая определяет каждое движение и даже отклонение. Только так можно прийти к нормам, которые признают все, не принуждая их к этому силой. Так будут также соблюдены границы права, в долгой перспективе это приведет к триумфу.

То, что теперь есть юридическая процедура, которую все признают, в принципе, в этом не может быть никакого сомнения. Весьма заметно мы из национальных государств, из больших пространств движемся к планетным порядкам. Их можно достичь с помощью договоров, если только у партнеров есть воля к тому,

как это должно было бы доказывать, прежде всего, ослабление суверенных прав – все же в отказе скрывается плодородие. Существуют идеи, и существуют также факты, на которых может быть сооружен большой мир. Это предполагает, что уважают границы; аннексия провинций, депортации населения, учреждение коридоров и разделение по линиям меридианов увековечивают насилие. Поэтому преимущество в том, что это еще не развилось к миру и вместе с тем чудовищное еще нуждается в санкции.

Версальский мир уже включал Вторую мировую войну. Опираясь на открытое насилие, он дал евангелие, на которое ссылалось любое насилие. Второй мир по этому образцу продолжился бы еще короче и включал бы разрушение Европы.

Это очень кратко, так как нас здесь занимают не политические идеи. Речь скорее идет об угрозе и о страхе отдельного человека. Тот же самый раздор занимает также и его. Его оживляет само по себе желание посвятить себя своей профессии и своей семье, следовать за своими склонностями. Тогда время предъявляет свои требования – то ли условия постепенно ухудшаются, то ли он внезапно видит себя атакованным с крайней стороны.

Экспроприация, принудительный труд и даже худшее появляются в его окружении. Скоро он понимает, что нейтралитет был бы равносилен самоубийству – это значит, либо с волками жить – по-волчьи выть, либо выходить на битву с ними.

Как он в таком притеснении найдет что-то третье, которое не погибает полностью в движении? Пожалуй, только в качестве одиночки, в своем человеческом бытии, которое остается непоколебленным. В таких положениях надо хвалить как большую заслугу уже то, если знание правого пути не пропадает полностью. Кто избежал катастроф, тот знает, что он обязан этим, в принципе, помощи простых людей, которыми не овладели ненависть, ужас, автоматизм банальностей. Они сопротивлялись пропаганде и ее нашептываниям, которые являются чисто демоническими. Бескрайнее одобрение может возникнуть, если эта добродетель становится заметна в руководителях народов, как в Августе. На этом основываются империи. Князь господствует не тогда, когда убивает, а когда он дарит жизнь. В этом кроется одна из больших надежд: то, что среди бесчисленных миллионов встретился бы совершенный человек.

Это все, что касается теории катастрофы. Избежать ее невозможно, но, все же, в ней есть свобода. Она принадлежит к числу проверок.

20

Учение о лесе столь же древнее, как сама человеческая история, даже старше ее. Ее можно найти уже в почтенных документах, которые мы только сегодня частично учимся расшифровывать. Она образует большую тему сказок, преданий, святых текстов и мистерий. Если мы присоединим сказку каменного века, миф бронзового века и историю железного века, то мы всюду натолкнемся на это учение, если наши глаза открыты для этого. Мы найдем их в нашей уранической эпохе, которую можно обозначить как время излучения.

Везде и всюду здесь есть знание того, что в изменчивом ландшафте скрыты древнейшие места силы и под мимолетным проявлением кроются источники изобилия, космической власти. Знание образует не только символически-таинственный фундамент церквей, оно не только вплетается в тайные учения и секты, но оно также ставит ядро философем, какими бы разными не был мир их понятий.

В принципе, они ищут ту же самую тайну, которая открыта каждому, которого она освящало однажды в жизни, будь она понята как идея, как прамонада, как вещь в себе, как существование сегодняшних. Тот, кто касался однажды бытия, перешел за грани, в которых еще важны слова, понятия, школы, вероисповедания. Однако он научился почитать то, что дает им жизнь.

В этом смысле это не зависит также от самого слова «лес». Конечно, не случайность, что все, что связывает нас с временными хлопотами, так сильно начинает ослабляться, если взгляд обращается к цветам и деревьям и охватывается их чарами. После этого направления ботаника должна была бы подняться. Там сад Эдем, там виноградники, лилии, пшеничное зерно христианских притч. Там сказочный лес с пожирающими людей волками, ведьмами и великанами, но также и с добрым охотником, там розовая живая изгородь Спящей красавицы, в тени которой тихо застывает время. Там германские и кельтские леса, как Глазурная роща, в которой герои преодолевают смерть, и снова Гефсиманский сад с оливковыми деревьями.

Но то же самое искали и в других местах – в пещерах, в лабиринтах, в пустынях, в которых живет искуситель. Всюду поселяется могущественная жизнь для того, кто догадывается об ее символах. Моисей стучит посохом о скалу, из которой брызжет вода жизни. Такого мгновения тогда достаточно для тысяч лет.

Все это только на первый взгляд распределяется на далекие пространства и на доисторические времена. Скорее это скрывается в каждом отдельном человеке и передано ему в виде ключей, чтобы он понял самого себя, в своей самой глубокой и сверхиндивидуальной власти. К этому стремится каждое учение, которое достойно этого имени. Пусть даже материя может уплотниться к стенам, которые, кажется, лишают всякого обзора, то изобилие, все же, совсем близко, так как оно живет в человеке как нечто важное, как талант, как вечная доля наследства. Это зависит от него, будет ли он использовать свой посох только для того, чтобы опираться на него на жизненном пути, или же он захочет схватить его как скипетр. Время снабжает нас новыми притчами. Мы открыли формы энергии, намного превосходящие все до сих пор известные. Тем не менее, как раз все это только подобие; формулы, которые человеческая наука находит в смене эпох, всегда подводят к давно известному. Новые огни, новые солнца – это беглые протуберанцы, которые отделяются от духа. Они проверяют человека на его абсолютное, на его чудесную власть. Удары судьбы всегда возвращаются, из-за которых от человека требуют его барьеров больше не как того или другого, но как именно такого.

Это также как большая тема проходит через музыку: переменные фигуры подводят к моменту, в котором человек в его освобожденных от времени массах противостоит самому себе – в котором он станет судьбой себе самому. Это высшее, ужасное заклинание, которое по праву подобает только мастеру, который через врата суда ведет к освобождению.

Человек слишком сильно вошел в конструкции, он становится слишком дешевым и теряет почву под ногами. Это приносит ему катастрофы, большие опасности и боль. Они вытесняют его в непроторенное, ведут его к уничтожению. Но странно, что именно там он, изгнанный, осужденный, убегающий, встречает самого себя в своей неразделенной и неразрушимой субстанции. Тем самым он проникает сквозь отражения и узнает самого себя во всей своей силе.

21

Лес таинственен. Это слово относится к тем словам нашего языка, в которых скрывается в то же время его противоположность. Таинственное – это уютное, добрый и безопасный домашний очаг, безопасный приют. В не меньшей степени это скрыто-тайное и в этом смысле оно приближается к понятию зловещего. Где мы наталкиваемся на такие корни слов, мы можем быть уверены, что в них звучат большая противоположность и еще большее уравнение жизни и смерти, решением которого занимаются мистерии.

В этом свете лес это большой дом смерти, местонахождение уничтожающей опасности. Задание проводника душ – провести за руку туда того, кого он ведет, чтобы тот утратил страх. Он позволяет ему символически умереть и возродиться. Триумф находится совсем близко от уничтожения. Из этого знания получается возвышение над силой времени. Человек узнает, что она, в принципе, ничего не может сделать ему, но даже предназначена только для того, чтобы подтвердить его в наивысшей степени. Арсенал ужасов, готовый проглотить его, установлен вокруг человека. Это не новая картина. «Новые» миры – это всегда только копии одного и того же мира. И этот мир был с самого начала известен гностикам, отшельникам пустыни, отцам и настоящим теологам. Они знали слово, которое может сразить явление. Смертельная змея станет посохом, скипетром для знающего, который схватит ее.

Страх всегда надевает маску, стиль времен. Темнота космических пещер, видения отшельников, плоды воображения Босха и Кранаха, рой ведьм и демонов средневековья – это звенья вечной цепи страха, к которой человек прикован как Прометей к Кавказу. От каких божественных небес он ни хотел бы освободиться, но страх с большой хитростью сопровождает его. И всегда он является ему в наивысшей, парализующей действительности. Если он входит в строгие миры познания, он высмеет дух, который страшился с готическими схемами и адскими картинами. Он едва ли догадывается, что он скован теми же кандалами. Фантомы, конечно, проверяют его в стиле познания, как факты науки. Теперь древний лес может стать лесом, экономической культурой. Все же, в нем все еще есть заблудившийся ребенок. Теперь мир – это арена действий армий микробов; апокалипсис угрожает как и когда-нибудь раньше, хоть и в форме махинаций физики. Древняя иллюзия расцветает в психозах и неврозах. И людоеда тоже можно найти в прозрачном одеянии – не только как эксплуататора и загоняющего в мясорубки времени. Он может скорее как серолог среди своих инструментов и реторт думать о том, как можно превратить человеческую селезенку, человеческую грудь к исходному материалу для чудесных лекарств. И тут мы оказываемся прямо посреди древней Дагомеи, древней Мексики.

Все это не менее фиктивно чем здание любого другого символического мира, обломки которого мы выкапываем из горы мусора. Он тоже пройдет и разрушится и будет непонятен чужим глазам. Но вместо него прорастут другие фикции из всегда неистощимого бытия, столь же убедительные, столь же разнообразные и непрерывные.

В нашем состоянии теперь важно, что мы не прожигаем беспечно жизнь в состоянии полной глухоты. Мы поднимаемся не только до точек большего самосознания, но и до строгой самокритики. Это знак высоких культур; они выгибают

арки над миром фантазии. Мы в стиле сознания придем к пониманию, как это соответствуют индийскому образу покрывала Майя или вечного всемирного хронологического порядка, которому учит Заратустра. Индийская мудрость причисляет даже сам подъем и падение божественных царств миру обмана зрения – пене времени. Если Циммер утверждает, что эта величина аспекта отсутствует у нас, то в этом нельзя с ним согласиться. Только мы понимаем его в стиле сознания, через все измельчающий процесс критического познания. Здесь мерцают границы времени и пространства. Сегодня тот же самый процесс, вероятно, еще более плотный и более чреватый последствиями, повторяется в обращении познания к бытию. К этому добавляется триумф циклической точки зрения в философии истории. Конечно, знание «истории в орехе» (в сжатой форме, в «кратком курсе») должно дополнить ее: тема, которая изменяется в бескрайнем разнообразии времени и пространства, остается одной и той же, и в этом смысле существует не только история культур, а история человечества, которая как раз и является историей в субстанции, в ядре ореха, историей человека. Она повторяется в каждой биографии.

Вместе с этим мы возвращаемся к теме. Человеческий страх во все времена, во всех местах, в каждом сердце один и тот же, – это страх перед уничтожением, страх смерти. Мы слышим это уже в «Гильгамеше», мы слышим это в 90-м псалме, и так это и осталось вплоть до нашего, сегодняшнего времени.

Преодоление страха смерти является в то же время преодолением всякого другого страха; они все имеют значение только относительно этого основного вопроса. Поэтому уход в лес – это в первую очередь ход смерти. Он приводит на грань смерти – да, если это должно быть, даже ведет через нее. Лес раскрывается как клад жизни в своем сверхъестественном изобилии, если преодоление линии удалось. Здесь покоится изобилие мира.

Каждое настоящее руководство опирается на эту правду: она может привести человека в точку, в которой он узнает действительность. Это становится, прежде всего, отчетливым, если учение и пример объединяются – если победитель страха вступает в царство смерти, как это видят в Христе как в наивысшем основателе. Пшеничное зерно, когда оно умирало, приносило не просто тысячекратный, но и бесконечный плод. Здесь затрагивалось изобилие мира, к которому относится каждое зачатие как одновременно и временный и преодолевающий время символ. За ним следовали не только мученики, которые были сильнее, чем стоики, сильнее, чем цезари, сильнее, чем та сотня тысяч, которые окружали их на арене. За ним следовали также те бесчисленные, которые умерли с верой. Еще сегодня это выглядит гораздо шире принуждающим, чем кажется на первый взгляд. Даже если соборы падут, знание, доля наследия

останутся в сердцах и будут подтачивать как катакомбы дворцы тиранических правителей. По этой причине уже можно быть уверенным, что чистое и проводимое по античным образцам насилие не может торжествовать долго. С этой кровью в историю вошла субстанция, и поэтому мы все еще по праву отсчитываем века от этой даты как от смены эпох. Здесь царит полное плодородие теогоний, мифическая сила зачатия. Жертва будет повторена на бесчисленных алтарях.

Гельдерлин в своем стихотворении понимает Христа как возвышение сил Геракла и Диониса. Геракл – это пракнязь, от которого даже боги зависят в своей борьбе против титанов. Он осушает болота, строит каналы и делает пустоши жилыми, убивая чудовищ и демонов. Он – первый из героев, на могилах которых основывается полис и почитание которых он поддерживает. У каждой нации есть ее Геракл, и еще сегодня могилы – это центры, у которых государство приобретает сакральный блеск.

Дионис – это бог празднеств, руководитель праздничных шествий. Если Гельдерлин обращается к нему как к духу общности, это нужно понимать так, что также мертвецы относятся к общине, да, именно они.

Это мерцание, которое окутывает вакхический праздник, самый глубокий источник веселья. Врата царства мертвых распахиваются широко, и вытекает золотое изобилие. Это смысл виноградной лозы, в которой объединяются силы Земли и силы Солнца, масок, великого превращения и возвращения.

Среди людей нужно назвать Сократа, пример которого оплодотворил не только стоиков, но и смелых духов во все времена. У нас могут быть разные представления о жизни и учении этого человека; его смерть относится к самым большим событиям. Мир создан так, что снова и снова предубеждение, страсти будут требовать крови, и нужно знать, что это не изменится никогда.

Пожалуй, аргументы меняются, однако глупость вечно поддерживает свой трибунал. На его суд будут приводить за то, что презирали богов, потом из-за того, что не признавали догму, затем, потому что нарушали теорию. Нет великого слова и благородной мысли, во имя которых не проливалась уже кровь. Сократическим является знание недействительности приговора, причем недействительности в более возвышенном смысле, чем человеческие «за» и «против» могут установить его. Настоящий приговор произнесен с самого начала: он задуман для возвышения жертвы. Если поэтому современные греки стремятся к пересмотру приговора, то этим мировая история обогатится только еще одной бессмысленной пометкой на полях, причем, в то время, когда невиновная кровь

течет потоками. Этот процесс вечен, и мещан, которые сидели в нем как судьи, также сегодня можно встретить на каждом углу улицы, в каждом парламенте. То, что это можно было бы изменить: издавна эта мысль отличала глупые головы. Человеческое величие нужно завоевывать с боем снова и снова. Оно побеждает, когда преодолевает нападение пошлого в собственной груди. Здесь покоится истинная историческая субстанция, во встрече человека с самим собой, это значит: с его божественной силой. Это нужно знать, если хотите учить историю. Сократ называл это самое глубокое место, в котором его направлял и давал ему советы голос, которого уже нельзя было постичь словами, даймонионом. Это место можно было бы назвать и лесом тоже.

Что же это должно означать теперь для сегодняшнего человека, если он руководствуется примером победителей смерти, богов, героев и мудрецов? Это значит, что он участвует в сопротивлении времени, и не только этому времени, но вообще любому времени, и основной силой времени является страх. Какой-либо страх, каким бы отдаленным он не представлялся, в сути своей является страхом смерти. Если человеку удается создать здесь пространство, то эта свобода скажется также на любом другом поле, которым управляет страх. Тогда он будет валить великанов, оружие которых – страх. И так это всегда повторялось в истории.

В природе вещей, что воспитание сегодня направлено на полную противоположность этому. Никогда еще не господствовали над изучением истории такие странные представления.

Во всех системах умысел направлен на препятствование метафизическому притоку, на укрощение и дрессуру в коллективном смысле. Даже там, где левиафан видит свою зависимость от мужества, как на поле сражения, он будет замышлять, чтобы заморочить бойцу голову второй и более сильной угрозой, которая удержит того на месте. В таких государствах полагаются на полицию.

Большая уединенность одиночки относится к признакам времени. Он окружен, осажден страхом, который, подобно стенам, все время сжимается вокруг него. Этот страх принимает реальные формы – в тюрьмах, рабстве, в боях в окружении. Это наполняет мысли, монологи с самим собой, вероятно, также дневники в течение многих лет, в которых он не может довериться даже самым близким ему людям.

Здесь политика втискивается в другие сферы – будь это в естественной истории, будь это в истории демонов с их ужасами. Однако близость больших, спасительных сил тоже предчувствуется. Ужасы – это ведь сигналы побудки, при-

знаки совсем другой опасности, чем исторический конфликт их разыгрывает. Они подобны все более безотлагательным вопросам, которые задаются человеку. Никто не может отнять у него ответ.

22

У этих границ человек вступает в свою теологическую проверку, все равно, понимает ли он это или нет. Не следует также придавать этому слову слишком большой вес. Человека спрашивают о его наивысших ценностях, о его представлениях о всемирном целом и об отношении его существования к нему. Это не должно происходить в словах, это даже уклонится от слов. Это также не зависит от формулировки ответа, т.е. не от признания.

Итак, мы не принимаем во внимание церкви. В наше время, и как раз сейчас, есть значительные свидетельства того, что в них еще хранится неисчерпаемое благо. К таким свидетельствам относится, прежде всего, поведение их противников, в первую очередь государства, которое стремится к неограниченной власти. Это по необходимости приводит к преследованию церкви. В этом положении с человеком следует обращаться как с зоологическим существом, все равно, рассматривают ли его господствующие теории с экономической или с какой-то другой точки зрения. Это сначала приводит в сферы чистой пользы, затем зверства.

На другой стороне стоит характер церквей как учреждения, как человеческого учреждения. В этом смысле церкви всегда грозит очерствение и вместе с тем иссякание дарящей силы. На этом основывается печальное, механические, бессмысленное в некотором богослужении, мучение воскресных служб, затем сектантство. Организационное – это одновременно уязвимое; ослабленное сомнениями строение падет за одну ночь, если оно просто не превратится в музей. Нужно считаться со временами и пространствами, в которых больше нет церкви. Государство тогда считает себя обязанным заполнить такую возникшую или обнаруживающуюся пустоту своими средствами – затея, с которой оно потерпит неудачу.

Для тех, кто не позволяет грубо от себя отделаться, из этого следует ситуация ухода в лес. К нему может посчитать себя вынужденным священник, который полагает, что без таинств не возможна никакая более высокая жизнь и видит свою задачу в утолении этого голода. Это ведет к лесу и к существованию, которое всегда повторяется в преследовании и неоднократно описано, как в истории святого Поликарпа или в мемуарах превосходного д'Обинье, шталмейстера

короля Генриха IV. Среди более новых нужно было бы назвать Грэма Грина с его романом «The Power and the Glory», действие которого происходит в тропическом ландшафте. Лес в этом смысле, естественно, есть всюду; он может быть также и в квартале крупного города.

Сверх того, речь идет о потребности всякого отдельного человека, если он не довольствуется зоологическо-политической классификацией. Этим мы касаемся сути современного страдания, великой пустоты, которую Ницше обозначил как рост пустыни. Пустыня растет: это спектакль цивилизации с ее опустошенными отношениями. В этом ландшафте вопрос о дорожных припасах становится особенно жгучим, особенно убедительным: «Пустыня растет, горе тому, который хранит пустыню в себе». Хорошо, если церковь может создавать оазисы. Лучше, если и человек не успокаивается на этом. Церковь может дать поддержку, содействие, но не существование. Также здесь мы, с организационной точки зрения, еще на корабле, еще в движении; спокойствие есть лишь в лесу. В человеке принимается решение; никто не может забрать его у него.

Пустыня растет: бледные и бесплодные круги возрастают. Теперь исчезают осмысленные предполья: сады, плодами которых простодушно кормятся, помещения, которые снабжены испытанными инструментами. Тогда законы становятся сомнительными, устройства обоюдоострыми. Горе тому, кто хранит пустыню в себе: тот, кто нет, будь даже в клетке, тот позволяет вести себя той прасубстанции, которая снова и снова гарантирует плодородие.

23

Никто из живущих не избежит двух пробных камней и мельничных жерновов: сомнения и боли. Они оба – великие средства нигилистского снижения. Через них нужно пройти. Там находится задание, экзамен на аттестат зрелости для нового века. Он не минует никого. Потому в некоторых странах Земли зашли несравненно дальше чем в других, и, возможно, как раз в тех, которые считаются отсталыми. Это относится к главе оптических обманов.

Как звучит теперь страшный вопрос, который Ничто не ставит человеку? Это старая загадка сфинкса Эдипу.

Человека спрашивают о себе самом – знает ли он имя странного существа, которое передвигается по времени? Он будет проглочен или увенчан, в зависимости от ответа, который он даст. Ничто хочет знать, может ли человек справиться с ним, живут ли в нем элементы, которые не разрушит никакое время. В этом

смысле Ничто и время не идентичны; и это правильно, что с большой силой Ничто время становится очень ценным, даже в самых маленьких долях. В то же время разрастаются механизмы, это значит: арсенал времени. На этом основывается ошибка, что механизмы, в особенности машинная техника, ничтожат мир. Происходит как раз противоположное: механизмы растут необыкновенно и приближаются очень близко, потому что древний вопрос к человеку снова стал актуальным. Они – свидетели, которых требует время, чтобы показать чувствам свою преобладающую мощь. Если человек отвечает правильно, механизмы теряют свой магический блеск и покоряются его руке. Это нужно осознавать.

Это основной вопрос: вопрос времени людям о его власти. Он направляется к субстанции. Все, что появляется из враждебных царств, оружия, нужды, относится к режиссуре, которая исполняет драму. Нет сомнения, что человек также и в этот раз укрощает время, изгонят Ничто в его пещеру.

Уединенность относится к признакам опроса. Она особенно странна в те времена, в которых процветает культ общности. Но то, что как раз коллектив выступает как бесчеловечное, относится к опытам, которые минуют лишь немногих. Этот парадокс похож на другой: то, что в той же самой пропорции к огромным захватам пространства свобода одиночки ограничивается все больше и больше.

На установлении этой уединенности можно было бы закончить главу, так как какая польза от того, чтобы касаться ситуаций, к которым не продвигаются вперед ни средства, ни духовные вожди?

То, что это именно так, об этом существует молчаливое согласие, и существуют вещи, которые не любят обсуждать. К положительным признакам сегодняшнего человека относится его робость перед более высокими общими местами, объективная потребность в духовной чистоте. К этому прибавляется сознание, которое распознает даже самый тихий фальшивый звук. В этом отношении у людей еще есть чувство стыда.

И, тем не менее, речь идет о форуме, на котором происходит значительное. Возможно, когда-нибудь позже в качестве самой сильной будет восприниматься та часть нашей литературы, которая в самой меньшей степени исходила от чисто литературных намерений: все эти репортажи, письма, дневники, которые возникли в больших загонных охотах, в окружении и на живодернях нашего мира. Люди узнают, что человек в «de profundis» достиг такой глубины, которая дотрагивается до основ и ломает мощную силу сомнения. Потеря страха следует за этим.

Как представляет себя такое намерение, даже где оно терпит неудачу, можно увидеть в записях Петтера Моена, найденных в вентиляционной шахте его тюрьмы, норвежца, погибшего в немецком плену, которого можно назвать духовным наследником Кьеркегора. Почти всегда помогал благоприятный случай, когда сохранялись письма, как письма графа Мольтке. Они как бы через трещины позволяют взглянуть на мир, который считали утонувшим. Можно предвидеть, что к ним присоединятся документы из большевистской России, которые добавят дополнение, еще неизвестный смысл к тому, что там, как полагают, можно было наблюдать.

24

Другой вопрос: как нужно подготовить человека к путям, которые ведут его в темное и неизвестное. Это задача, решение которой ожидалось, прежде всего, от церквей, и которая также в большом числе известных и в еще большем числе неизвестных случаев была решена. Подтвердилось, что церкви и секты могут предоставить большую силу чем то, что сегодня называют мировоззрением, это значит в большинстве случаев: поднятые до уровня образа мыслей естественные науки. Поэтому можно видеть, как тирания жестоко преследует даже такие безвредные существа как серьезных исследователей Библии (свидетелей Иеговы - прим. перев.) – та же тирания, которая держит открытыми почетные места для ученых-атомщиков.

О хорошем инстинкте свидетельствует то, что молодежь по-новому начинает заниматься культами. Даже если церкви окажутся неспособными дать пространство, но важно движение, так как оно создает сравнения. Здесь будет показано, что было возможно и что может ожидаться. То, что было возможно, сегодня узнают только в ограниченном поле, а именно в поле истории искусств. То, что, однако, все эти картины, дворцы, города-музеи не значат ничего, по сравнению с творческой стихийной силой – в этой своей мысли футуристы были правы. Большой поток, который оставил эти произведения как пестрые раковины, не может иссякнуть – он течет глубоко под землей. Человек обнаружит его, если он войдет в себя. И вместе с тем он создает одну из точек, в которых возможны оазисы в пустыне.

В дальнейшем нужно считаться с широкими областями, в которых церквей больше нет, или они сами зачахли, превратившись в органы тираний. Еще важнее то соображение, что сегодня у очень многих есть сильная потребность в культовых формах при одновременной антипатии к церквям. Ощущается недостаток в существовании, и на этом основывается течение вокруг гностиков, со-

здателей сект и апостолов, которые более или менее успешно входят в роль церквей. Можно было бы сказать, что всегда существует определенная мера в религиозности, которая законно удовлетворялась церквями. Теперь, освободившись, сила прикрепляет себя ко всем и каждому. Отсюда легковерность современного человека, при одновременном неверии. Он верит тому, что написано в газете, но не верит тому, что написано в звездах.

Возникший здесь пробел остается ощутимым даже в полностью секуляризованном существовании, и поэтому более чем достаточно попыток, чтобы закрыть его теми средствами, которые имеются в наличии. Книга вроде «Скрытых религий» Карла Бри дает взгляд на этот мир, в котором наука более или менее покидает свое поле и создающая часовни сила выигрывает. Часто это даже те же самые люди, в которых возрастает и убавляется наука, как можно проследить это, например, в биографиях Эрнста Геккеля или Ганса Дриша.

Так как потеря обращает на себя внимание, прежде всего, как страдание, то неудивительно, что, в особенности, врачи обращаются к нему, а именно с остроумными системами промеров глубины и основанных на них методах лечения. Среди типов больных, которых они посещают, на одном из первых мест стоит тот, который хочет убить своего отца. Напрасно будут искать другого, который потерял отца, и страдание которого лежит в неосознанности потери. По праву напрасно, так как медицина здесь бессильна. В каждом хорошем враче хоть и должно быть что-то от священника, но к мысли о том, чтобы заменить священника, врач может прийти только во времена, в которых пропало размежевание блага и здоровья. Поэтому, если хочется, можно думать обо всех тех имитациях духовных средств и форм, вроде исследования совести, исповеди, медитации, молитвы, экстаза и прочего, через терапевтические методы: они не выйдут за пределы симптомов, если они даже не навредят.

Благодаря ссылкам на потусторонние миры, связь с которыми утеряна, выхолащивание только увеличивается. Описание страдания, диагноз важнее – точное описание того, что пропало. Странно, что их находят скорее и правдоподобнее у писателей, чем у теологов, от Кьеркегора до Бернано. Мы уже говорили, что баланс до сих пор лежит открытым только на поле истории искусств. Он должен стать заметным, между тем, также относительно человеческой силы одиночки. Тем не менее, эту задачу нельзя искать в области этики; она лежит в области существования. Человек, который влачит свое существование пусть даже и не в пустыне, но все равно, в чахнущей зоне, как например, в промышленном городе, и которому передается только слабый отблеск, дуновение огромной силы его «Я»: такой человек начинает догадываться, что ему чего-то не хватает. Это предварительное условие для того, чтобы он отправился на поиски. То, что те-

перь теолог снимет с его глаз пелену, важно потому, что таким образом у ищущего возникает перспектива, что он достигает цели. Все другие факультеты, не говоря уже о практических инстанциях, подведут его к миражам. Это, кажется, относится к большому направлению человека, что он сначала должен справиться с некоторым количеством таких обманчивых картин – утопические проходы, к которым прогресс дает перспективное преображение. Он может разыграть для него мировую сверхдержаву, подобные термитникам образцовые государства, вечные царства мира – все это окажется фантомом, где отсутствует настоящая миссия. В этом отношении немец заплатил безмерную плату за обучение, и, тем не менее, если он понимает это действительно как таковую, пожалуй, это будет использовано.

Теолог должен считаться с человеком сегодняшнего дня – прежде всего, с ним, который не живет в резервациях или в местах меньшего давления. Речь идет о том, кто испытал боль и сомнение и которого сформировал скорее нигилизм, чем церковь, причем нужно еще учесть, сколько нигилизма прячется и в самих церквях. Этот человек в большинстве случаев не будет очень развит этически и в духовном плане, хотя у него хватает убедительных банальностей. Он будет недоверчивый, смышленый, умный, деятельный, не одаренный художественно, прирожденный мастер унижения более высоких типов и идей, думающий о своей выгоде, помешанный на гарантиях и страховках, легко управляемый лозунгами пропаганды, практически не замечающий при этом их часто внезапную смену, наполненный человеколюбивыми теориями, однако так же склонный к применению страшного, не ограниченного ни правом, ни международным правом насилия, если ближние и соседи не вписываются в его систему. При этом он всегда чувствует себя так, будто злые силы преследуют его до глубины его снов, он мало способен к наслаждению и больше не знает, что такое праздники. С другой стороны нужно заметить, что в мирные времена он радуется техническому комфорту, чтобы средний возраст вырос значительно, что принцип теоретического равенства стал общепризнанным, и что в некоторых местах Земли нужно изучать такие модели образа жизни, какие едва ли существовали в охватывающем все слои комфорте, индивидуальной свободе и автоматическом совершенстве. Не невозможно, что этот стиль распространится по истечении титанического века техники. Но несмотря на это человек остается понимающим потерю, и на этом основывается собственно серое и безнадежное в его существовании, которое в некоторых городах и даже странах становится настолько мрачным, что застывает каждая улыбка, и создается впечатление, что находишься в том аду, который описал Кафка в своих романах.

Дать этому человеку догадаться, чего он лишен также в его наилучшей конституции и что скрывается в мощной силе в нем – это миссия теологии. Теолог это

тот, который знает науку изобилия выше низкой экономики, знает загадку вечных источников, которые неистощимы и всегда близки. Как теолога надо понимать знающего – знающим в этом смысле является, например, маленькая проститутка Соня, которая обнаруживает в Раскольникове сокровище его «Я» и может его поднять для него. Читатель чувствует, что этот подъем чего-то важного внутри удался не только для жизни, но и в трансцендентности. В этом величие этого романе, как и вообще творчество Достоевского подобно одному из волноломов, о которых распыляется заблуждение времени. Это зачатки, которые выступают более отчетливо после каждой новой катастрофы, и в которых русское перо завоевало мировой уровень.

25

Поблизости от нулевого меридиана, у которого мы все еще находимся, у веры нет курса; здесь требуются доказательства. Также можно было бы сказать, конечно, что здесь верят в доказательства. Похоже, возрастает число духов, которые знают, что с технической точки зрения духовная жизнь располагает формами, которые эффективнее, чем военная дисциплина, спортивная тренировка или ритм мира труда. Игнатий знал это, и от этого знания живут также сегодня создатели сект и вожди маленьких кругов, намерения которых трудно оценить, как, чтобы назвать один пример, Гурджиев, во многих отношениях странный кавказец.

Какое оружие нужно дать в руки тем, кто с живостью поднимается из пустоши рационалистических и материалистических систем, но еще покорены принуждению их диалектики? Их страдание возвещает им о более высоком состоянии. Существуют методы, чтобы укрепить их в этом направлении, и несущественно, что они сначала разучиваются механически. Это подобно упражнениям по оживлению утопленников, в которых тоже сначала нужно натренироваться. Тогда присоединяются дыхание и биение сердца.

Здесь намечается возможность нового ордена.

Как контрреформация в своей сущности соответствовала реформации и укреплялась благодаря ей, так можно предположить и духовное движение, которое ищет схватки с нигилизмом и вступает с ним в бой как отражением в бытии. Как миссионер разговаривает с туземцами на их языке, так рекомендуется поступать также с теми, кто воспитан на научном жаргоне. Здесь, впрочем, будет заметно, что церкви не поспевали за науками.

С другой стороны некоторые из отдельных наук вступают в сферы, в которых разговор об основных вопросах становится возможен.

Опус, например, с заголовком «Маленький катехизис для атеистов» был бы желателен. Если бы такое предприятие было бы выдвинуто сильной духовной властью как внешний форт, то это одновременно воздействовало бы и против многочисленных гностических духов, стремление которых идет в этом направлении. Многие различия основываются просто на терминологии. Сильный атеист выглядит всегда радостнее и благоприятнее, чем индифферентная посредственность, причем именно потому, что он беспокоится о мире в целом. Кроме того, в нем нередко можно найти позицию, которая предоставляет место возвышенному; на этом основании атеисты восемнадцатого века были действительно сильными духами и более приятными, чем атеисты века девятнадцатого.

26

Вердикт партизана звучит так: «Здесь и сейчас» – он мужчина свободного и независимого действия. Мы видели, что мы к этому типу можем причислить только крошечную долю массового населения, и все же именно здесь образуется маленькая элита, способная померяться силами с автоматизмом, в борьбе с которой чистое применение силы потерпит неудачу. Это старая свобода в одежде времени: сущностная элементарная свобода, которая просыпается в здоровых народах, если тирания партий или чужеземных завоевателей притесняют страну. Она – не только лишь протестующая или эмигрирующая свобода, а свобода, которая хочет принять бой. Это различие, которое воздействует на сферу веры. Партизан не может позволить себе безразличие, которое характеризует истекшую эпоху подобным образом как нейтралитет маленьких государств или заключение в крепость при политическом правонарушении. Уход в лес ведет к более трудным решениям. Задание партизана состоит в том, что он должен отколоть массу значащей для будущей эпохи свободы от левиафана. Он приближается к противнику не с голыми понятиями.

Сопротивление партизана абсолютно, он не знает нейтралитета, прощения, заключения в крепость. Он не ожидает, что враг признает его аргументы, не говоря уже о том, что тот поступит благородно. Он также знает, что смертная казнь, что касается его, не отменяется. Партизан знает новую уединенность, как она влечет за собой, прежде всего, сатанински возросшую злость – ее связь с наукой и сущностью машин, которая вносит в историю хоть и не новый элемент, но, все же, новые проявления.

Все это не может совпадать с безразличием. В таком положении также нельзя ждать церкви или духовных вождей и книг, которые, вероятно, появятся. Однако у такого положения есть преимущество, из вычитанного, прочувствованного и поверенного вывести в твердые контуры. Воздействие становится видно уже в различии между обеими мировыми войнами, по крайней мере, в том, что касается немецкой молодежи. После 1918 года можно было видеть сильное духовное движение, которое развивало таланты во всех лагерях. Теперь, прежде всего, бросается в глаза молчание, особенно молчание молодежи, которая видела, все же, много странного в ее окружениях и убийственном плену. И, все же, это молчание весит больше, чем идейное развитие, даже чем произведения искусства. Там видели не только крушение национального государства, видели также и другие вещи. Конечно, соприкосновение с Ничто, особенно с совершенно неприкрашенным Ничто нашего столетия, изображено в целом ряду клинических сообщений, все же, можно предсказать, что это соприкосновение даст созреть и покажет также и другие плоды.

27

Мы уже довольно часто употребляли здесь образ человека, встречающего самого себя. В действительности важно, что тот, который требует себе трудного, получит точное понятие о самом себе. И именно в этом человек на корабле должен мерилом для себя видеть человека в лесу – это значит: человек цивилизации, человек движения и исторического проявления должен измерять себя по своей покоящейся и вечной сущности, которая представляется в истории и изменяет ее. Там находится стремление, желание для тех сильных духов, к которым относит себя партизан. Во время этого процесса отражение вспоминает о прообразе, от которого оно излучается и в котором оно неприкосновенно – или также унаследованное о том, что лежит в основе всей доли наследства.

Эта встреча уединенная, и в этом кроется ее волшебство; на ней не присутствует нотариус, священник, высокопоставленный чиновник. Человек суверенен в этой уединенности, при условии, что он осознает свой уровень. В этом смысле он – сын отца, господин земли, чудесно созданное творение.

При таких встречах отступает и социальное. Человек снова притягивает к себе силы священника и судьи, как это было в древнейшие времена. Он выходит за пределы абстракций, функций и разделения труда. Он устанавливает связь с целым, с абсолютным, и в этом лежит его сильное ощущение счастья.

Само собой разумеется, что при этой встрече также не присутствует и врач. Что касается здоровья, то прообраз, который каждый несет в себе, является его неприкосновенным, по ту сторону времени и его опасностей созданным телом, которое излучается в физическое проявление и оказывает воздействие также на излечение. В каждом излечении играют роль творческие силы.

В состоянии совершенного здоровья, которое стало редким, человек владеет также сознанием этой более высокой формы, аура которой его явно освещает. У Гомера мы еще находим знание такой свежести, которое оживляет его мир. Мы находим тут свободное веселье, связанное с нею, и по мере того, как герои приближаются к богам, они выигрывают в своей неприкосновенности – их тело становится более духовным.

Также сегодня излечение исходит из божественного, и важно, что человека, как минимум, догадываясь об этом, позволил бы этому божественному предписывать ему. Больной, а не врач, – это суверен, – это жертвователь излечения, которое он посылает из своих резиденций, которые неприступны. Он потерян только, если он теряет доступ к этим источникам. Человек в агонии часто подобен ошибающемуся и ищущему. Он найдет выход, будь этот выход тут или там. Уже видели, как выздоравливают некоторые, которых списали врачи, однако среди этих выздоровевших не видели ни одного, который сдался сам.

Избегать врачей, полагаться на правду тела, однако внимательно прислушиваться также к ее голосу, для здорового это наилучший рецепт. Это распространяется также на партизана, который должен подготовиться к ситуациям, в которых любые болезни причисляются к роскоши, кроме смертельных. Какое мнение всегда стоило бы оберегать от этого мира больничных касс, страховых компаний, фармацевтических фабрик и специалистов: сильнее тот, кто может отказаться от всего этого.

Подозрительным и в высшей степени призывающим к осторожности является все большее влияние, которое начинает оказывать государство на дела здравоохранения, в большинстве случаев под социальными предлогами. К тому же вследствие все более широкого освобождения врача от требования сохранения лечебной тайны при всех консультациях следует рекомендовать недоверчивость и осторожность. Все же, неизвестно, в какую статистику вас там внесут, и не только в медицинских учреждениях. Все эти лечебные предприятия со служащими врачами с плохим жалованием, за лечением которых наблюдают бюрократы, подозрительны и могут угрожающе измениться всего за одну ночь, не только в случае войны. То, что тогда образцово проведенные картотеки снова смогут предоставить документы, на основании которых людей могут кастриро-

вать, интернировать или ликвидировать, как минимум, не является невозможным.

Огромный приток пациентов, который находят шарлатаны и целители-чудотворцы, объясняется не только излишней доверчивостью масс, но и их недоверием по отношению к официальному здравоохранению, в особенности, тому виду, в котором оно автоматизируется. Эти волшебники, как бы неуклюже они ни занимались своим ремеслом, отличаются от официальной медицины, все же, в двух важных вещах: во-первых, они рассматривают больного как цельное, и во-вторых, они представляют излечение как чудо. Как раз это все еще соответствует здоровому инстинкту, и на этом основываются излечения.

Подобное, естественно, возможно также и в пределах официальной медицины. Каждый, который вылечивает, участвует в чуде, все равно, получается ли это с помощью его аппаратов и методов или даже вопреки им, и уже многое выиграно, если он осознает это. Механизм может быть проломан везде, сделан безвредным или даже полезным, там, где врач проявляется со своей человеческой субстанцией. Это непосредственное обращение затрудняется, конечно, бюрократией. Но, в конечном счете, всегда получается так, что «на корабле» или даже на галере, на которой мы живем, функциональное всегда снова и снова пробивается людьми, будь это с помощью их добра, их свободы или их мужества к непосредственной ответственности. Врач, который что-то предоставляет больному вопреки инструкциям, придает, вероятно, именно этим своим средствам чудодейственную силу. Благодаря этим внезапным появлениям из функций мы живем.

Техник считается с отдельными преимуществами. В большом бухгалтерском учете это выглядит часто по-другому. Состоит ли настоящая прибыль в мире страховых компаний, прививок, тщательной гигиены, высокого среднего возраста?

Не стоит об этом спорить, так как этот мир строится дальше, и так как идеи, на которых он основывается, еще не исчерпаны. Корабль продолжит свой путь, даже и через катастрофы. Катастрофы приводят, конечно, к множеству смертей. Если корабль погибает, аптека тонет вместе с ним. Тогда все зависит от других вещей, например, от того, может ли человек выдержать несколько часов в ледяной воде. Неоднократно привитый, стерилизованный, приученный к медикаментам, экипаж с высоким средним возрастом в таком случае имеет меньшие перспективы на выживание, чем другой, который всего этого не знает. Минимальная смертность в спокойные времена не является критерием для настоящего здоровья; она может резко, за одну ночь, смениться на свою противополож-

ность. Даже возможно, что она порождает еще неизвестные эпидемии. Ткань народов становится восприимчивой.

Здесь открывается также вид на одну из больших опасностей нашего времени, перенаселенность, как например, Гастон Бутуль изобразил ее в своей книге «Сто миллионов мертвых». Гигиена сталкивается с задачей ограничить те же самые массы, появление которых она сама и сделала возможным. Однако здесь мы уже выходим за рамки темы ухода в лес. Кто считается с таким уходом, для того не годится воздух теплиц.

28

Вызывает тревогу тот метод, с помощью которого понятия и вещи часто меняют за одну ночь свое лицо и показывают совсем другие последствия, чем ожидалось. Это признак анархии.

Давайте рассмотрим, например, свободы и права одиночки в его отношении к власти. Они определяются конституцией. Однако нужно снова и снова и, к сожалению, пожалуй, также на довольно долгое время считаться с нарушением этих прав, будь это со стороны государства, со стороны партии, которая овладевает государством, будь это благодаря чужому агрессору или благодаря совокупности разных вмешательств. Можно, пожалуй, сказать, что массы, по крайней мере, у нас в стране, находятся в таком положении, в котором они едва ли вообще воспринимают конституционные нарушения. Где такое сознание однажды пропало, оно искусственно не восстанавливается.

Правонарушение может нести также легальную окраску, например, вследствие того, что господствующая партия добивается большинства, достаточного для изменения конституции. Большинство может одновременно иметь право и творить беззаконие: это противоречие не входит в простые головы. Уже при голосованиях часто с трудом можно решить, где заканчивается право и начинается насилие.

Превышения власти могут постепенно обостряться и применяться против определенных групп как чистое преступление. Кто мог наблюдать такие поддержанные массовым одобрением дела, тот знает, что против этого мало что можно предпринять обычными средствами. Этического самоубийства нельзя требовать ни от кого, прежде всего, нет, если оно рекомендуется ему из заграницы.

В Германии открытое сопротивление против власти является или, по крайней мере, было особенно трудным, так как еще со времен законной монархии сохранилось почтение по отношению к государству, и у этого почтения наряду с его темными сторонами есть и свои преимущества. Потому отдельному человеку трудно было понять, что после вступления в Германию войск держав-победительниц его привлекали к ответственности за его недостаточное сопротивление не только в общем, как коллективного обвиняемого, но и индивидуально, например, за то, что он продолжал исполнять свою профессию как чиновник или как капельмейстер.

Мы не можем понимать этот упрек, хотя он принимал гротескные формы, как курьез. Речь идет скорее о новой черте нашего мира, и можно лишь порекомендовать всегда помнить о ней во времена, в которых никогда нет недостатка в общественном насилии. Здесь из-за оккупантов можно приобрести дурную славу коллаборациониста, там из-за партий – дурную славу попутчика. Так возникают ситуации, в которых одиночка попадает между Сциллой и Харибдой; ему угрожает ликвидация, как за участие, так и за неучастие.

Потому от отдельного человека ожидается большое мужество; от него требуют, чтобы он один, даже против силы государства, протянул праву руку помощи. Кто-то будет сомневаться, что таких людей можно найти. Между тем, они появятся, и тогда они станут партизанами. Также недобровольно этот тип войдет в картину истории, так как есть такие формы принуждения, которые не оставляют выбора. Конечно, к этому должна добавиться их пригодность. Ведь и Вильгельм Телль тоже попал в конфликт против своей воли. Но потом он проявил себя как партизан, как одиночка, в котором народ осознавал свою стихийную силу по отношению к тирану.

Это странная картина: одиночка или также много одиночек, которые оказывают сопротивление левиафану. И, все же, именно тут оказываются места, в которых гигант находится под угрозой. Нужно как раз знать, что даже крохотное число людей, которые действительно решительны, могут не только в моральном смысле, но и на самом деле стать угрозой. В спокойные времена это видно только на примере преступников. Снова и снова случается так, что два-три хулигана приводят в волнение все кварталы крупного города и вызывают продолжительные облавы. Если теперь соотношение станет противоположным, при котором власти становятся преступными, а честные люди защищаются, то они могут вызвать несравненно больший эффект. Известно замешательство, в котором оказался Наполеон из-за восстания Малле, одинокого, но непреклонного человека.

Мы хотели бы предположить, что в городе, в государстве еще живет определенное, пусть даже незначительное количество действительно свободных мужчин. В этом случае нарушение конституции сопровождалось бы большим риском. В этом отношении можно было бы подкрепить теорию коллективной вины: возможность правонарушения стоит в точной пропорции к свободе, с которой оно сталкивается. Посягательство на неприкосновенность, святость жилища, например, было бы невозможным в старой Исландии в тех формах, в какой оно было возможно в Берлине 1933 года посреди миллионного населения как чистое административное мероприятие. Как похвальное исключение стоит вспомнить одного молодого социал-демократа, который пристрелил полудюжину так называемых вспомогательных полицейских в прихожей его съемной квартиры. В нем была еще частичка сущностной, древнегерманской свободы, которой его противники теоретически восхищались. Он также, естественно, не выучил это в программе его партии. Во всяком случае, он не принадлежал к тем, о которых Леон Блуа говорит, что они бегут к адвокату, пока их мать насилуют.

Если мы теперь в дальнейшем предположим, что если бы на каждой берлинской улице можно было бы считаться с такими случаями, то дела выглядели бы иначе. Долгие времена спокойствия благоприятствуют определенным оптическим обманам. К таковым относится и предположение, что неприкосновенность жилища якобы основывается на конституции, гарантируется ею. В действительности она основывается на главе семьи, который в сопровождении своих сыновей, появляется у двери с топором в руке. Только эта правда не всегда становится заметной и также не должна представлять собой возражение против конституций. Справедливо старинное выражение: «Мужчина стоит для клятвы, но не клятва для мужчины». Здесь лежит одна из причин, по которым новое законодательство наталкивается на такое незначительное участие в народе. То, что с квартирой читается не плохо, только мы живем во времена, в которых один чиновник вручает щеколду в руку другому.

Немца упрекали в том, что он не оказывал достаточного сопротивления официальному насилию, вероятно, упрекали по праву. Он еще не знал правил игры и чувствовал себя находящимся под угрозой также из других зон, в которых ни сейчас, ни когда-либо раньше не было и речи о каких-либо основных правах. Центральное положение всегда знает две угрозы: У него есть преимущество, но также и недостаток ситуации «и так, и этак». Еще едва ли видят тех, которые между тем в отчаянном положении, без оружия, пали, защищая своих женщин и детей. Также их одинокая гибель станет известной. Она – гирька на чаше весов. Мы должны подумать над тем, чтобы спектакль принуждения, которое не находит отпора, не повторился.

29

При нападении чужих армий уход в лес представляется как средство войны. Это относится, прежде всего, к государствам, которые вооружены слабо или вовсе не вооружены.

Как и по отношению к церквям, партизан и относительно вооружения тоже не спрашивает, насколько оно современно и современно ли вообще, есть ли оно вообще в наличии или нет. Это процессы на корабле. Уход в лес нужно осуществить в любое время и в любом месте, даже и против огромного перевеса. В таком случае он даже будет единственным средством сопротивления.

Партизан – это не солдат. Он не знает солдатских формальностей и их дисциплины. Жизнь его одновременно более свободная и более жесткая, чем жизнь солдата. Партизаны набираются из тех, кто даже в безнадежном положении решил бороться за свободу. В идеальном случае их личная свобода совпадает со свободой их страны. На этом основывается большое преимущество свободных народов, которое с длительностью войны все большим весом падает на чашу весов.

На уход в лес вынуждены решиться также те, для которых другая форма существования невозможна. За вторжением следуют мероприятия, которые грозят большим частям населения: аресты, прочесывания, регистрация в списках, принуждение к принудительному труду и к воинской службе в чужой армии. Это толкает к тайному или также открытому сопротивлению.

Особенная опасность состоит в том, что проникают криминальные элементы. Партизан хоть и не фехтует по законам войны, но он также и не разбойник. В такой же малой степени его дисциплина является солдатской, и этот факт предполагает сильное, непосредственное руководство.

Что касается его места, то лес всюду. Лес в пустошах, как и в городах, где партизан живет скрыто или под маской своих профессий. Лес в пустыне и в зарослях «маки». Лес в отечестве как на любой другой земле, на которой можно вести сопротивление. Лес, прежде всего, в глубоком тылу самого врага. Партизан не поддается чарам оптического обмана, она видит в агрессоре национального врага. Он знает о его концлагерях, убежищах подавляемых, о меньшинствах, которые ждут своего часа. Он ведет маленькую войну вдоль рельсовых путей и путей подвоза, угрожает мостам, кабелям и складам. Ради него противнику приходится растрачивать войска для охраны, увеличивать число часовых. Партизан обеспечивает разведку, саботаж, распространение сообщений среди населения.

Он дерется в непроходимом, в анонимном, чтобы появляться снова, если враг показывает признаки слабости. Он распространяет постоянное беспокойство, возбуждает ночную панику. Он может парализовать даже армии, как это было видно на примере Наполеоновской армии в Испании.

Партизан не располагает большими боевыми средствами. Но он знает, как смелым нападением можно уничтожить оружие, которое стоит миллионы. Ему знакомы его тактические слабости, его бреши, его легковоспламеняемость. Он располагает также более свободным выбором места, чем войска, и действует там, где большой ущерб можно нанести малыми силами – на перевалах, в узостях, на путях сообщения, ведущих через плохо проходимую территорию, в местах, удаленных от баз противника. Каждое продвижение достигает крайних точек, в которых люди и средства становятся дорогими, так как их приходится доставлять на огромные расстояния. Тогда на одного бойца приходятся сто других в тыловой службе. И этот один наталкивается на партизана. Мы здесь снова приходим к нашей пропорции.

Что касается международного положения, то оно благоприятствует уходу в лес: оно создает балансы, которые вызывают к свободному действию.

В мировой гражданской войне каждый агрессор должен считаться с тем, что его глубокий тыл становится трудным. И каждая новая область, которая достается ему, увеличивает этот тыл. Он должен одновременно ужесточать средства; это ведет к лавине репрессий. Противник придает огромное значение этому подтачиванию и помогает ему, как только может. Это значит, что партизан, может рассчитывать, если и не на непосредственную поддержку, то все же на оружие, снабжение и обеспечение со стороны какой-либо мировой державы. Но он – не ее приверженец.

В уходе в лес скрывается новый принцип обороны. Ему можно научиться, все равно, существуют ли армии или нет. Во всех, и, в первую очередь, в маленьких странах поймут, что подготовка к нему необходима. Большое оружие могут создавать и применять только сверхдержавы. Но самое маленькое меньшинство, даже один человек, тоже может осуществить уход в лес. Здесь лежит ответ, который должна дать свобода. И она сохраняет последнее слово за собой.

Уход в лес находится в более тесном отношении к свободе, чем любое вооружение; в нем живет первоначальная воля к сопротивлению. Поэтому только добровольцы пригодны для него. Они в любом случае будут защищаться, все равно, подготавливает ли их государство, снабжает, вооружает и призывает, или нет. Они тем самым представят доказательство своей свободы, причем доказа-

тельство самой своей жизнью. Государство, в котором соответствующее сознание не живет, будет лишь приспешником, опустится до уровня сателлита.

Сегодня свобода – это большая тема; она – сила, которой преодолевается страх. Она – основная специальность свободного человека, и не только она, но и манера и способ, в которых она может действенно представляться и делаться заметной в сопротивлении. Мы не хотим входить в подробности. Страх уменьшается уже посредством того, что он знает свою роль в случае катастрофы.

К катастрофе нужно готовиться, как при начале морского плавания учатся действиям при кораблекрушении. Где народ снаряжается для ухода в лес, там он должен стать страшной силой.

Можно услышать возражения, что немец не создан для этого вида сопротивления. Ну, есть кое-что, на что немца прежде не считали способным. Что касается обеспечения оружием и средствами связи, прежде всего, радиостанциями, проведения учений и маневров, подготовки баз и систем, которые рассчитаны на этот новый вид сопротивления – одним словом, что касается той стороны, которая охватывает практику, то всегда найдут силы, которые займутся ею и которые ее сформируют. Более важно выполнение старого принципа, что свободный мужчина вооружен, причем не оружием, которое хранится в арсеналах и казармах, а тем, которое он держит в своем доме, в своей квартире. Это окажет также обратное воздействие и на основные права.

Среди перспектив, которые угрожают сегодня, пожалуй, самой мрачной представляется та, что немецкие армии выступят войной друг против друга. Всякий прогресс вооружения по эту и по ту сторону увеличивает эту опасность. Уход в лес – это единственное средство, которое может быть посвящено общим целям без оглядки на искусственные границы и выше них. Здесь также можно будет найти пароли, обменяться ими и распространить их, пароли, которые воспрепятствуют тому, чтобы немцы стреляли друг в друга. Обучение по эту и по ту сторону, также и идеологическое, не может тут повредить, даже принесет пользу, если знать, кто в судьбоносный час, как во время битвы под Лейпцигом, перейдет на другую сторону. Власть, которая основное внимание уделяет уходу в лес, подтверждает, что у нее нет никаких планов наступательной войны. Зато она могла бы сделать свою оборонительную мощь очень сильной, даже устрашающей, при совсем незначительных затратах. Это сделало бы возможной политику на длительную перспективу. Плоды сами по себе падают в руки тому, кто знает свое право и умеет ждать. Нужно еще коснуться возможности, что уход в лес, как путь, на котором узнают друг друга необходимость и свобода, окажет обратное воздействие на армии, таким образом, что первоначальные

виды сопротивления, из которых произошли солдатские, снова войдут в историю. Где при огромной угрозе прорывается в чистом виде «быть или не быть», свобода поднимается из правового пространства в другой, более святой слой, в котором объединяются отцы, сыновья и братья. Схема армий не может справиться с ним. Перспектива того, что пустая рутина завладевает вещами, опаснее безоружности. Однако это не тот вопрос, который касается ухода в лес как такового; в нем одиночка определяет способ, которым он сохраняет свою свободу. Где он решается на службу, там дисциплина превратится в свободу, станет одной из ее форм, одним из ее средств. Свободный человек придаст оружию его смысл.

30

Как все сословные формы были переплавлены в специальные рабочие характеры, это значит: в технические функции, так происходит также с солдатскими формами. Солдату из всех подвигов Геракла осталось, по сути, лишь одно задание: он должен время от времени чистить авгиевы конюшни политики. В этом деле ему становится все труднее сохранить чистые руки и вести войну таким способом, который, с одной стороны, в достаточной мере отделяет его от ремесла полицейского и, с другой стороны, от профессии мясника или даже живодера. Для новых заказчиков это также менее важно, чем распространение ужаса любой ценой.

К тому же изобретения доводят войну до бесконечного состояния, и новое оружие убирает всякое различие между воюющими и невоюющими. Вместе с тем пропадает предпосылка, из которой живет сословное сознание солдата, рука об руку с этим идет упадок рыцарских форм ведения войны.

Еще Бисмарк отверг предложение привлечь Наполеона III к суду. Он как противник считал себя не вправе делать это. За прошедшее с тех пор время стало принятым осуждать побежденного противника с помощью юридических формальностей. Ссоры, которые связываются с такими приговорами, излишни и лишены оснований. Партии не могут судить. Они продолжают акт насилия. Они также лишают обвиняемого его собственного суда.

Мы живем во времена, в которых войну и мир сложно различить. Грани между службой и преступлением размыты за счет оттенков. Это обманывает самые острые глаза, так как к каждому единичному случаю примешивается сумятица времени, всеобщая вина. Кроме того, как отягощающее обстоятельство воздействует то, что князья отсутствуют и что все правящие поднялись наверх по пар-

тийным ступенькам. Это с самого начала уменьшает их способности для действий, которые направляются на целое, как, например, на заключение мира, приговоры, праздники, пожертвования, дары и увеличение.

Силы в большей степени хотят жить за счет целого; они неспособны получить это и увеличить с помощью внутреннего изобилия: своего бытия. Так доходит до изнашивания капитала победоносными фракциями, для ежедневных ознакомлений и намерений, как этого опасался уже старый Марвиц.

Единственное утешительное в этом спектакле состоит в том, что речь идет об уклоне, который действует в определенном направлении и к определенным целям. Периоды вроде этого раньше называли междуцарствием, тогда как сегодня он представляет себя как ландшафт цехов. Они характеризуются тем, что у них отсутствует последняя действенность; и в этом отношении достигнуто уже много, если осознают, что это необходимо и в любом случае лучше, чем если бы стремились ввести изношенные элементы как действительные или сохранять их. Как наш глаз отказывается от применения готических форм в мире машин, так он ведет себя также и в моральном.

Мы детально изложили это при рассмотрении мира рабочих. Нужно уже знать законы ландшафта, в которых живут. С другой стороны, оценивающее сознание остается беспристрастным, и на этом основывается боль, основывается восприятие потери, которое неизбежно. Взгляд на стройплощадку не может дать спокойного удовлетворения, которое предоставляет шедевр, и так же мало могут быть совершенны вещи, которые видны там. В той мере, в которой это осознается, наличествует честность, и в ней намечается уважение к более высоким порядкам. Эта честность создает необходимый вакуум, как становится видно, например, в живописи и который владеет его теологическими соответствиями. Сознание потери выражается также в том, что каждая принимаемая всерьез оценка обстановки ссылается либо на прошлое, либо на будущее. Она ведет либо к культурной критике, либо к утопии, если не считать учений о циклах. Потеря законных и моральных связей относится также к большим темам литературы. В особенности, действие американского романа происходит в сферах, в которых не действуют ни малейшие обязательства. Он попал на голую скалу, которую в другом месте еще покрывает гумус из разлагающихся слоев.

В уходе в лес нужно примиряться с кризисами, в которых не выдерживают ни закон, ни обычай. В таких кризисах можно сделать похожие наблюдения как на выборах, которые мы изображали в начале. Массы будут следовать за пропагандой, которая приводит их в техническую связь с правом и моралью. Партизан не таков. Он должен принять жесткое решение: на всякий случай оставить

за собой проверку того, для чего от него требуют согласия или участия. Жертвы будут значительны. Но с ними связан также непосредственный выигрыш в суверенитете. Однако дела обстоят так, что этот выигрыш воспринимается как таковой только очень немногими. Но господство может прийти только от тех, у кого сохранилось знание извечных человеческих эталонов, и кого никакая могущественная сила не сможет принудить отказаться поступать по-человечески. Как они этого достигают, остается вопросом сопротивления, которое вовсе не всегда нужно вести открыто. Требовать этого, принадлежит к любимым теориям непричастных, однако, практически означает то же самое, как если бы список последних людей передали в руки тиранам.

Если все учреждения станут сомнительными или даже будут пользоваться дурной славной, и даже в церквях можно слышать открытые молитвы не за преследуемых, а за преследователей, тогда нравственная ответственность переходит к одиночке или, скажем лучше, к еще несломленному одиночке.

Партизан – это конкретный одиночка, он действует в конкретном случае. Он не нуждается ни в теориях, ни в придуманных партийными юристами законах, чтобы знать, что законно.

Он спускается к еще не распределенным по каналам учреждений источникам нравственности. Здесь вещи становятся простыми, если в нем еще живет искреннее, неподдельное. Мы видели большой опыт леса во встрече с собственным «Я», неприкосновенным ядром, сущности, из которой питает себя временное и индивидуальное проявление. Эта встреча, которая оказывает такое большое влияние, как на выздоровление, так и на изгнание страха, также моральна в наивысшей степени. Она ведет к тому слою, который лежит в основе всего социального, и является изначально всеобщим. Она приводит к человеку, который образует фундамент под индивидуальным, и с которого излучаются индивидуализации. В этой зоне есть не только общность; здесь есть идентичность. Это то, на что намекает символ объятия. «Я» узнает себя в другом – это следует за древней мудростью слов «Это ты». Другой может быть возлюбленным, он может быть также братом, больным, беззащитным. В то время как «Я» жертвует ему помощь, оно в то же время содействует себе в бессмертном. Там подтверждается основной порядок мира.

Это опыты. Сегодня живут бесчисленные люди, которые прошли центры нигилистского процесса, низшие точки водоворота. Они знают, что там механика раскрывается все более угрожающе; человек находится внутри большой машины, которая выдумана для его уничтожения. Они также должны были узнать,

что каждый рационализм ведет к механизму, и каждый механизм к пытке, как его логичная последовательность. Этого еще не видели в девятнадцатом веке.

Должно произойти чудо, если нужно ускользнуть от таких вихрей. Чудо совершалось бесчисленный раз, а именно вследствие того, что посреди безжизненных цифр появлялся человек и жертвовал свою помощь. Это считалось вплоть до тюрем, да, как раз там. В любой ситуации и по отношению к каждому одиночка может так стать ближним – в этом выдает себя его непосредственная, княжеская черта. Происхождение аристократии лежит в том, что она предоставляла защиту – защиту от монстров и чудовищ. Это признак аристократов, и он еще светится в том охраннике, который тайком протягивает заключенному кусок хлеба. Это не может пропасть, и этим живет мир. Это жертвы, на которых он покоится.

31

Итак, бывают ситуации, которые непосредственно требуют морального решения, и это, прежде всего, там, где действия достигает самых глубоких круговоротов. Так было не всегда и так не останется навечно. В общем, учреждения и связанные с ними инструкции образуют проходимую землю; это носится в воздухе, что является правом и обычаем. Естественно, случаются нарушения, но существуют также суды и полиция.

Это меняется, если мораль заменяется подвидом техники, а именно пропагандой, и учреждения превращают себя в оружие гражданской войны.

Тогда решение достается одиночке, а именно как альтернатива «или – или», в то время как третье поведение, а именно нейтральное, исключается. Теперь в неучастии, но также и в осуждении с позиций неучастия, лежит особенный вид подлости.

Также властитель в его переменных воплощениях обращается к одиночке с альтернативой «или – или».

Это занавес времени, который поднимается перед всегда возвращающимся спектаклем. Знаки на занавесе – это не самое важное. «Или – или» одиночки выглядит по-другому. Эта альтернатива ведет его к точке, в которой он должен выбирать между непосредственно переданным ему качеством человека и качеством преступника.

Как этот отдельный человек удержится при этой постановке вопроса, от этого зависит наше будущее. Это решается, вероятно, именно там, где темнота кажется гуще всего. Что касается преступления, то оно наряду с автономным нравственным решением образует вторую возможность сохранить суверенитет среди потери, нигилистского подрыва бытия. Французские экзистенциалисты правильно осознали это. Преступление не имеет ничего общего с нигилизмом, оно даже образует убежище от его выхолащивания, которое разрушает самосознание, оно является выходом из той пустоши. Уже Шамфор говорил: «Человек, в современном состоянии общества, кажется мне коррумпированным более своим разумом, чем своими страстями».

Вероятно, культ преступления можно объяснить таким образом как один из знаков нашего времени. Масштаб и распространение этого культа легко недооцениваются. Можно получить представление об этом, если рассмотреть для этого литературу, причем не только ее низкие виды, включая кино и иллюстрированные журналы, но и мировую литературу. Можно утверждать, что она на три четверти занимается преступниками, их действиями и их средой, и что как раз в этом кроется ее привлекательность. Это показывает объем, в котором закон стал сомнительным. У человека есть чувство, будто он находится под чужим господством, и в этом отношении преступник кажется ему родственным. Когда разбойник и многократный убийца, бандит Джулиано, был казнен в Сицилии, скорбь о нем распространилась широко. Эксперимент, вести и продолжать жизнь в неогороженном районе охоты, не удался. Внутри серых масс это касалось каждого и укрепляло в ощущении этого бытия в закрытом пространстве. Это ведет к героизации преступника. Это также создает моральный полумрак во всех движениях Сопротивления, и не только там.

Теперь мы живем во времена, в которых ежедневно могут встречаться неслыханные виды принуждения, рабства, искоренения – будь они направлены против определенных слоев или распространены на далеких местностях. Сопротивление этому легально, как утверждение основных человеческих прав, которые в лучшем случае гарантируются конституциями, но, все же, в исполнение их должен приводить отдельный человек. Для этого существуют эффективные формы, и находящегося под угрозой нужно к ним приготовить, нужно им обучить; тут вообще скрывается основной предмет нового образования. Уже чрезвычайно важно приучить находящегося под угрозой к мысли, что сопротивление было бы вообще возможно – если это понято, тогда даже с крохотным меньшинством можно уничтожить сильного, но неуклюжего гиганта. Также это картина, которая всегда возвращается в истории, и в которой история получает свой мифический фундамент. На этом фундаменте потом поднимаются здания на долгое время.

Теперь естественное стремление властителей представить легальное сопротивление и даже неприятие их претензий как преступное, и это намерение образует особенные побочные линии применения насилия и пропаганды. К этому также относится, что они в своей иерархии ставят обычного преступника выше того, кто противостоит их намерениям.

В противоположность этому важно, что партизан в своей нравственности, в своем ведении боя, в своем обществе не только отчетливо отличается от преступника, а что это различие живо также и в его внутренней части. Он может находить права только в самом себе, в ситуации, в которой правоведы и профессора государственного права не могут дать в его руки необходимое оружие. У поэтов и философов мы узнаем уже скорее, что нужно защищать.

Мы рассмотрели в другом месте, почему ни индивидуум, ни массы не могут утвердиться в элементарном мире, в который мы вошли с 1914 года. Это не значит, что человек исчезнет как одиночка и свободный. Скорее ему придется глубоко под своей индивидуальной поверхностью прощупать глубины и найти там средства, которые утонули со времен религиозных войн. Нет никаких сомнений, что он удалится из этих титанических империй в украшении новой свободы. Она может быть приобретена только жертвой, так как свобода ценна и требует, чтобы оставляли, вероятно, как раз индивидуальное, возможно, даже свою шкуру на добычу времени. Человек должен знать, весит ли для него свобода больше – ценит ли он свое «быть таким» выше, чем просто «быть».

Настоящая проблема скорее состоит в том, что значительное большинство не хочет свободы, что оно ее боится. Свободным нужно быть, чтобы стать этим, так как свобода – это существование, это, прежде всего, сознательное соответствие с существованием и как судьба прочувствованное желание осуществлять его. Тогда человек свободен, и наполненный принуждением и насильственными средствами мир должен служить теперь для того, чтобы сделать свободу заметной в ее полном блеске, так же как большие массы первичной породы своим давлением выталкивают кристаллы изнутри наружу.

Новая свобода – это старая, это абсолютная свобода в одежде времени; так как снова и снова и вопреки всем каверзам духа времени вести к ее триумфу: это смысл исторического мира.

32

Как известно, основное чувство нашей эпохи враждебно собственности и склонно к насильственному вмешательству также там, где вредят не только тому, против которого это направлено, но и всему целому. Можно увидеть, как пашни, которые кормили тридцать семей владельца и арендаторов, разделяются таким способом, который заставляет бедствовать всех. Можно увидеть сплошную вырубку лесов, которые тысячелетиями давали древесину. Можно увидеть, как кур, которые несли золотые яйца, перерезали за одну ночь, чтобы из их мяса сварить суп для публичной раздачи, которого не хватит никому. Полезно, если довольствуются этим спектаклем, хотя он и позволяет ожидать сильных обратных ударов, так как он введет в общество новые, одновременно умные и лишенные корней слои. С этой точки зрения можно предсказать странные вещи, особенно для Англии.

Это нападение, во-первых, этическое, в этом отношении старая формула «собственность – это кража» теперь стала признанной банальностью. Собственник – это тот, против которого у каждого есть хорошая совесть, и он даже сам себя давно уже больше не чувствует в своей тарелке. К этому добавляются катастрофы, войны, увеличившиеся с помощью техники обороты. Все это не только рекомендует жить за счет капитала, это также принуждает к этому. Не зря выпускают снаряды, каждый из которых стоит столько же, сколько раньше стоило целое княжество.

Явление лишенного наследства, пролетария, незаметно приняло другие черты; мир наполнен новыми фигурами страдания. Это изгнанники, депортированные, высланные, опозоренные, лишенные своей родины и крова, жестоко сброшенные на самое дно бездны.

Здесь катакомбы сегодняшнего дня; они не открываются тем, что лишенным наследства время от времени позволяют голосовать по поводу того, каким способом бюрократия должна управлять их бедствиями.

Сегодня Германия богата людьми, лишенными наследства и лишенными прав; это самая богатая ими страна мира. Это богатство, которое может использоваться хорошо или плохо. Любому движению, которое опирается на лишенных наследства, присуща большая ударная сила; в то же время нужно опасаться, чтобы она не привела только к другому распределению беззакония. Это стало бы бесконечной историей. Чар чистого насилия избежит только тот, кто этически добудет себе новый этаж в мировом строении.

Готовятся не только новые обвинения, но и новый вариант прочтения старого «собственность – это кража». Такие теории резче со стороны разграбленного, чем со стороны грабителя, который хочет с ее помощью обеспечить для себя право на грабеж. Давно перенасыщенный, он все время заглатывает новые пространства. Между тем, есть также другие уроки, которые можно взять их времени, и можно сказать, что эти события не прошли бесследно. Это касается, прежде всего, Германии; здесь натиск таких зрелищ был особенно силен. Он принес глубокие изменения. Такие изменения становятся заметными в теориях только поздно; сначала они влияют на характер. Это касается также оценки собственности; она освобождает себя от теорий. Экономические теории ушли на второй план, в то время как одновременно стало видно, что такое собственность.

Немец должен был размышлять над этим. После его поражения на нем было испытано намерение лишать его прав навечно, поработить его, уничтожить его разделением. Эта проверка была тяжелее, чем проверка войной, и можно сказать, что он выдержал ее, выдержал ее молча, без оружия, без друзей, без форума в этом мире. В эти дни, месяцы и годы ему достался один из самых больших опытов. Его отбросили назад на его собственность, на его спасшийся от уничтожения слой. Здесь лежит мистерия, и такие дни связывают сильнее, чем выигранная решающая битва. Богатство страны лежит в ее мужчинах и женщинах, у которых был крайний опыт, какой сваливается на человека только один раз за многие поколения. Это дает скромность, но придает еще и уверенность. Экономические теории имеют значение «на корабле», в то время как покоящаяся и неизменная собственность лежит в лесу, как плодородная почва, которая всегда приносит новые урожаи.

В этом смысле собственность жизненно важна, прикрепленная к своему носителю и нерасторжимо связанная с его бытием. Как «невидимая гармония значительнее видимой», так и эта невидимая собственность также является настоящей. Владение и товары становятся сомнительными, если они не укоренились в этом слое. Это было четко разъяснено. Экономические движения кажутся направленными против собственности; на самом деле они устанавливают собственников. И это тоже вопрос, который возникает всегда, и на который нужно отвечать снова и снова.

Кто испытал однажды пожар столицы, вторжение войск с Востока, тот никогда не утратит бдительного недоверия ко всему, чем можно владеть. Это поможет ему, так как он станет одним из тех, кто без слишком большого сожаления повернется спиной к своему двору, своему дому, своей библиотеке, если это ока-

жется необходимым. Он даже заметит, что в то же время с этим связан акт свободы. Только того, кто оглядывается, постигает судьба жены Лота.

Как всегда будут существовать люди, которые переоценивает владение собственностью, также никогда не будет нехватки и в тех, кто видит панацею в экспроприации. Однако перераспределение богатства не означает его увеличения, скорее, это увеличение потребления, что можно наблюдать на примере любого крестьянского лесного надела. Львиная доля без сомнения окажется в руках бюрократии, прежде всего, при тех делениях, при которых остаются только долги: от общей рыбы останутся только рыбьи кости.

При этом важно, чтобы лишенный собственности поднялся над идеей индивидуального грабежа, который совершен против него. Иначе в нем останется травма, внутреннее дальнейшее существование потери, которое затем станет заметным в гражданской войне. Однако имущество роздано, и поэтому следует опасаться, что лишенный наследства будет стремиться компенсировать свои убытки в других областях, причем как самое ближайшее решение свои услуги тут предлагает террор. Более полезно было бы сказать себе, что обязательно и в любом случае будешь вовлечен в беду, хоть и при различных и меняющихся обоснованиях. Если же смотреть с другого полюса, то это положение представляется ситуацией финального забега, при котором участник соревнований отдает последние силы, уже видя близко свою цель. Очень подобно этому при привлечении капитала речь также идет не о чистой выдаче, а об инвестиции, принимая во внимание новые и ставшие необходимыми порядки, прежде всего, всемирное правление. Даже можно сказать: выдачи и так были, что они указывают либо на разорение, либо на крайнюю возможность.

Это понимание, которое нельзя предположить у простого человека. И, все же, оно живо в нем, а именно в том виде, чтобы смириться с судьбой, платить дань времени, которое нападает снова и снова и заставляет удивляться.

Где экспроприация должна поразить собственность как идею, рабство окажется необходимым последствием. Последней видимой собственностью останется тело и его рабочая сила. Однако опасения, с которыми дух ожидает такие возможности, преувеличены. Ужасов современности тоже вполне достаточно. Тем не менее, ужасные утопии, вроде утопий Оруэлла, полезны, хоть у автора и нет представления о настоящих и неизменных соотношениях сил на этой Земле, потому он и отдается ужасу. Такие романы подобны духовным экспериментам, благодаря которыми кто-то, вероятно, сможет избежать некоторых окольных путей и заблуждений практического опыта.

Так как мы здесь рассматриваем процесс не «на корабле», а в условиях ухода в лес, мы подчиняем его форуму суверенного одиночки. От его решения зависит, что он рассматривает в качестве собственности и как он хочет утверждать ее. В такие времена, как наши, он сделает добро, если будет показывать только небольшие уязвимые места. При его инвентаризации он должен будет различать вещи, которые не окупают жертв, и те, за которые нужно бороться. Они не подлежат продаже, они и есть настоящая собственность. Они также то, что несут с собой как центр своего притяжения или как то, что, как говорит Гераклит, принадлежит к собственному виду, который является демоном человека. К ним относится также отечество, которое носят в сердце, и которое пополняется отсюда, когда оно страдало от повреждений в нерасширенном, в своих границах.

Хранить собственный вид трудно – и тем более трудно, чем больше нагружен имуществом. Здесь угрожает судьба тех испанцев при Кортесе, которых «печальной ночью» груз золота, с которым они не хотели расставаться, утянул на дно. В отличие от этого богатство, которое принадлежит к собственному виду, не только несравненно более ценно, оно представляет собой вообще источник каждого видимого богатства. Тот, кто это осознал, то также поймет, что времена, которые добиваются равенства всех людей, приносят совсем другие плоды, чем ожидаемые. Они только убирают заборы, решетки, вторичное распределение и именно этим создают пространство. Люди – это братья, но они не равны. В этих массах всегда скрываются одиночки, которые по самой своей природе, т.е. в их внутреннем бытии, являются богатыми, благородными, добрыми, счастливыми или могущественными. На них устремляется изобилие в той же самой мере, в какой растет пустыня. Это ведет к новым силам и к новому богатству, к новым делениям.

Непредвзятому может в то же время стать видно, что во владении скрывается также покоящаяся, творящая добро сила, причем творящая добро не только для того, кто ею обладает. Своеобразие человека не только творческое, оно также разрушительное, это его даймонион («внутренний голос» по Сократу - прим. перев.). Если падают многочисленные маленькие границы, которые его ограничивают, оно поднимается как освобожденный Гулливер в стране лилипутов. Потребляемое так владение превращается в непосредственную, в функциональную силу. Тогда можно увидеть новых титанов, сверхмогущественных. У этого спектакля тоже есть свои границы, свое время. Он не образует династию.

Это может объяснить, почему господство снова укрепляется по прошествии времен, в которые равенство было у всех на устах. Как страх, так и надежда ведут человека к этому. В нем коренится неискореняемый монархический инстинкт, также там, где он знает королей только лишь из паноптикума. Остается

удивительным, как внимательно и послушно он снова и снова оказывается там, где поднимается новая претензия на руководства, все равно, откуда или от кого. Если где-то захватывается власть, то всегда, даже у противников, с этим связываются большие надежды. Также нельзя сказать, что управляемый становится неверным. Но у него есть тонкое чувство того, остается ли могущественный верным себе самому и справляется ли он с той ролью, которую он взял на себя. Все же народы никогда не теряют надежды на нового Дитриха, нового Августа – на князя, миссия которого сообщает о себе созвездиями на небе. Они догадываются, что миф как золотой клад покоится прямо под историей, непосредственно под измеренным основанием времени.

33

Может ли все же бытие в человеке вообще быть уничтожено? В этом вопросе расходятся не только конфессии, но и религии – на него можно ответить, только основываясь на вере. Можно осознавать это бытие как благо, как душу, как вечную и космическую родину человека – всегда будет ясно, что нападение на него должно исходить из самой темной бездны. Даже сегодня, когда царящие понятия понимают только поверхность процесса, люди догадываются, что происходят удары, целью которых является что-то другое, нежели просто экспроприации или ликвидации. Упрек в «убийстве душ» основывается именно на таком предчувствии.

Такое слово может быть сформировано только уже ослабленным духом. Это неприятно коснется каждого, у кого есть представление о бессмертии и основывающихся на нем порядках. Там, где есть бессмертие, там, где хотя бы есть только вера в них, там нужно также принимать пункты, в которых до человека не может добраться или причинить вред, не говоря уже о том, чтобы уничтожить ни одна власть и ни одна могущественная сила на Земле.

Лес – это святыня.

Паника, которую наблюдают сегодня повсюду, – это уже выражение изнуренного, подточенного духа, пассивного нигилизма, который вызывает активный нигилизм. Конечно, легче всего запугать того, который верит, то когда его мимолетное появление на этой Земле будет уничтожено, то на этом закончится все. Новые рабовладельцы знают об этом, и на этом основывается значение материалистических учений для них. Во время восстания эти учения служат потрясению порядка, а после уже достигнутого господства они должны увековечивать

ужас. Больше не должно быть бастионов, в которых человек чувствует себя неприступным и вместе с тем смелым.

В противоположность этому важно знать, что каждый человек бессмертен, и что в нем живет вечная жизнь, неисследованная и все же населенная страна, которую он сам может отрицать, но, все же, ни одна временная власть не может его лишить ее. Доступ у многих, даже у большинства, может быть похож на источник, в который веками бросали обломки и мусор. Если убрать их, то на дне найдут не только источник, но и старые картины. Богатство человека бесконечно больше, чем он думает. Это богатство, которого никто не может лишить, и которое в течение времен также снова и снова заметно притекает, прежде всего, если боль докопалась до глубин.

Это как раз то, что человек хочет знать. Здесь лежит центр его временного беспокойства. Это причина его жажды, которая растет в пустыне – и эта пустыня – это время. Чем больше время распространяется, чем более осознанным и неотложным, но также и чем более пустым будет время в его самых маленьких частях, тем сильнее станет жажда преодолевающих его порядков.

Жаждущий по праву ожидает от теолога, что он успокоит его страдание, и именно по пратеологическому образцу посоха, который выбивает воду из скалы. Если теперь дух в этих наивысших вопросах обращается к философу и довольствуется все более дешевыми объяснениями мира, то это знак не того, что изменились устои, а того, что посредников больше не призывают выступать за занавесом. В таком состоянии наука лучше, так как к мусору, который блокирует доступы и лазы, теперь относятся и те великие старые слова, которые сначала стали соглашением, потом неприятностью, и, наконец, просто скучными.

Слова двигаются с кораблем; место слова – это лес. Слово покоится под словами как золотой фон под ранней картиной. Если теперь слово больше не оживляет слова, то страшное молчание распространяется под их потоком – сначала в храмах, которые превращаются в роскошные надгробные памятники, затем в преддвериях.

К великим событиям относится смена философии с познания на язык; она приводит дух в тесное соприкосновение с прафеноменом. Это важнее, чем все физические открытия. Мыслитель вступает на поле, на котором снова возможен, наконец, союз не только с теологом, но и с поэтом.

34

То, что доступ к источникам может быть открыт заместителями, посредниками: там лежит одна из больших надежд. Если в этой точке удастся настоящее соприкосновение бытия, то у этого всегда будут сильные воздействия. История, даже возможность датировать время вообще, основывается на таких процессах. Они представляют собой наделение творческой стихийной силой, которая становится заметна во времени.

Это становится очевидным также в языке. Язык принадлежит к собственности, к своеобразию, к доле наследства, к отечеству человека, которое достается ему, хоть он и не знает его изобилия и богатства. Язык подобен не только саду, цветами и плодами которого наследник подкрепляется вплоть до старости; он также одна из больших форм для всех благ вообще. Как свет делает мир и его образование видимым, так и язык делает их понятными в самом сокровенном, и нельзя представить мир без языка как ключа к сокровищам и тайнам мира. Закон и господство в видимых и даже невидимых царствах начинаются с наименования. Слово – это материал духа и как таковой оно служит для самого смелого наведения мостов; в то же время это наивысшее средство поддержания власти. Всем захватам земель в реальности и в мыслях, всем строениям и военным дорогам, всем столкновениям и договорам предшествуют откровения, планирования и заклинания в слове и в языке, и стихотворение. Можно даже сказать, что есть два вида истории, один в мире вещей, другой в мире языка; и этот второй включает не только более высокий взгляд, но и более действующую силу. Даже пошлое должно всегда оживать от этой силы, даже если оно превращается в насилие. Но страдания проходят и преображаются в стихотворении.

Это старая ошибка, что из состояния языка можно сделать вывод, нужно ли ожидать поэта или нет. Язык может находиться в полном упадке, и поэт может выступить из него как лев, который приходит из пустыни. Так же и после прекрасного цветения могут отсутствовать плоды.

Язык не живет по собственным законам, иначе грамматисты правили бы миром. В своей первопричине слово – это больше не форма, не ключ. Оно становится идентичным с бытием. Оно станет творческой властью. И в этом кроется его огромная, никогда не пригодная к извлечению выгоды сила. Здесь происходит только сближение. Язык плетется вокруг тишины, как оазис ложится вокруг источника. И стихотворение подтверждает, что вход во вневременные сады удался. От этого живет время тогда даже в эпохах, в которых язык опустился до средства техников и бюрократов, и где он, чтобы симулировать свежесть, пыта-

ется взять заимствования из жаргона, он остается в своей статической силе совсем неослабленным. Серое, распыленные пристает только к его поверхности. Тот, кто копает глубже, в каждой пустыне достигает водоносного слоя. И с водой поднимается новое плодородие.

ОБЗОР

1. Вопросы, которые направлены к нам, упрощаются и обостряются.

2. Они настаивают на альтернативе «или – или», как на это намекают выборы.

3. Свобода говорить «нет» планомерно ограничивается.

4. Она должна иллюстрировать превосходство спрашивающего

5. и стала рискованным предприятием, на которое, вероятно, решается один человек из ста.

6. Это рискованное предприятие осуществляется в тактически неверном месте.

7. Это не должно быть возражением против его этического значения.

8. Уход в лес представляет собой новый ответ свободы.

9. Свободные люди сильны даже в крохотном меньшинстве.

10. Время бедно великими мужчинами, но оно порождает типы.

11. Из-за угрозы формируются маленькие элиты.

12. Наряду с обоими типами рабочего и неизвестного солдата появляется третий тип – партизан.

13. Страх

14. может преодолеваться одиночкой,

15. если он познает себя в своей силе.

16. Уход в лес как свободное поведение в катастрофе

17. независимо от политико-технических передних планов и их группировок.

18. Он не противоречит развитию,

19. а несет в него свободу благодаря решению одиночки.

20. В нем человек встречается с самим собой в своей неразделенной и неразрушимой субстанции.

21. Эта встреча изгоняет прочь страх смерти.

22. Здесь церкви также могут давать только содействие,

23. потому что человек в одиночку принимает свое решение,

24. и теолог хотя и может довести до его сознания его положение,

25. но, однако, не мог бы его из этого положения вывести.

26. Партизан переходит через нулевой меридиан своими силами.

27. В областях врачевания,

28. права

29. и применения оружия суверенное решение остается за ним.

30. Он также в моральном отношении не действует в соответствии с доктринами

31. и оставляет за собой признание законов. Он не принимает участие в культе преступления.

32. Он сам принимает решение о виде и утверждении его собственности.

33. Он осознает недостижимую глубину,

34. из которой также и слово снова и снова наполняет мир.

И в этом лежит задача для «Здесь и сейчас».

Эта книга при ее первом появлении в 1951 году была понята как программный труд революционного консерватизма, или также как «сборник для духовно-политических партизан». Наряду с рабочим и неизвестным солдатом Юнгер представил тут третий модельный вид, партизана, который в отличие от обоих других принадлежит к «здесь и сейчас». Лес – это место сопротивления, где новые формы свободы используются против новых форм власти.

Под понятием «ушедшего в лес», «партизана» Юнгер принимает старое исландское слово, означавшее человека, объявленного вне закона, который демонстрирует свою волю для самоутверждения своими силами: «Это считалось честным и это так еще сегодня, вопреки всем банальностям».
